

18+

Александр Владимирович
Левин

СЧИТАТЬ
ПРОПАВШИМ БЕЗ
ВЕСТИ

Роман

Левин, Иван Александрович
(фамилия, имя и отчество)
г. Москва 43 полковой прислуживал
(область, район, деревня и т.д.)
Социалистическую Родину, верный воинской присяге, проявив
в мужество, был
Убит 15.1.42.
(убит, ранен и умер от ран)
в боях на Волге
(место захоронения)
Следующее извещение является документом для возбуждения хол-
дства (приказ НКО СССР №)

Александр Левин

**Считать пропавшим
без вести. Роман**

«Издательские решения»

Левин А. В.

Считать пропавшим без вести. Роман / А. В. Левин —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-509435-3

Книга о простых людях, переживших со своим Отечеством все радости и беды XX века, незаслуженно забытых в наши дни, пропавших в памяти своих потомков без вести. Нашим бабушкам и дедушкам, нашим родителям посвящается! Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-509435-3

© Левин А. В.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Пролог	7
Часть I	8
Аннушка	8
Тамбовский исток	8
Излом	12
Людской помол	16
Анна	20
Оторвавшийся листок	20
Часть II	23
Пётр	23
Сольцы	23
Счастливая жизнь	24
Война	28
Ленинградские дни	30
Случайное знакомство	35
Военная судьба	37
Успешный контрудар	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Считать пропавшим без вести Роман

Александр Владимирович Левин

© Александр Владимирович Левин, 2025

ISBN 978-5-0050-9435-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Что движет автором, создающим литературное произведение? Желание выделиться? Нет. Заработать? Тоже нет. Может быть, написать лучше, чем у других из ревности? И этот ответ будет неправильным!

Он делится с читателями частью своей души, погружая их в яркий мир фантазий, событий, которые пережил. Это радость или безутешное горе, любовь, огромное счастье или душевная пропасть, печаль. Вся палитра эмоций воздействует на читателей. Каждый чувствует и оценивает происходящее в нём по-своему.

Его творчество может нравиться или нет, но не оставляет людей равнодушными, ибо несёт в себе знание, информацию.

Возможно, кто-то возразит: «Всё это где-нибудь, когда-нибудь уже было. Ничего нового не придумано!» Я думал раньше так же.

Увлекаясь историей Великой Отечественной войны, исследуя донесения о боевых потерях, в которых напротив имён и фамилий красноармейцев написано «Считать пропавшим без вести», я перелистывал страницы, как сторонний наблюдатель, полагая справедливо, что большинство солдат сгинули в плену, или, неучтённые, истерзанные от взрывов, разбросаны на полях сражений, и найти хотя бы примерное место их захоронения, гибели, невозможно!

И тут МОЙ «пропавший без вести» дед нашёлся! Ребята-поисковики – бескорыстные души, возвращающие людям их героев «с кровавых полей», обнаружили его останки и медальон в конце апреля 2014 года. Это случилось именно со мной, а не в газетной статье или программе на телевидении! Весть принёсшая радость, открывшая дверь, за которой находилось недостижимое! Разве это не новое?!

«Ты правильно постучался», – сказал мне свояк, знавший о моих пристрастиях к историческим документам и произведениях на эту тему.

Что я ведал о своих дедушках? Лишь любимые мной бабушки рассказывали о не вернувшихся с фронта мужьях. Они, как былинные герои существовали только в рассказах родных, да на официальных бумажных документах.

Это событие можно считать чудом или везением. Но оно не возникло на пустом месте, а пришло из желания прикоснуться к родному человеку, погибшему на войне.

И прикоснулся я не только к деду, но и ещё к сотням его земляков «без вести пропавших». Своим тихим подвигом он протянул через ребят-поисковиков нить, вернувшую память о солдатах, о том месте, где они погибли за отчизну.

«Родина» – такое важное слово для каждого человека. Когда она в опасности, мы стараемся её укрыть, защитить. Иногда и сами требуем у неё защиты. Порой обижаемся на государственных чиновников-бюрократов, не внемлющих нашим просьбам. Значит, Родина забыла про нас?

А теперь задайтесь вопросом: «Кого из своих предков помните вы? Что сделали, дабы узнать, кем они были, как жили?» И тогда поймёте, равнодушный чиновник не с неба свалился к нам.

Не переставайте искать своих родных и близких! Помните о них, рассказывайте детям и внукам! Быть может, тогда напротив вашей фамилии не будет стоять бездушная фраза «Считать пропавшим без вести».

Пролог

Кому это нужно? Вот брат говорит: «Процентам двум». Откуда тогда столько людей с портретами на девятое мая? Дань моде? Президент сказал? Да хоть бы и так.

Звоню, чтобы записаться в архив Министерства Обороны – занято на три недели вперёд. Значит, пошли, пошли внуки и правнуки искать своих, забытых, геройски и не геройски павших родных, которых забрала та война взамен на наше дыхание.

Часть I

Аннушка

Тамбовский исток

В одна тысяча девятьсот четырнадцатом году, февральским днём, в семье крестьянина и гончара села Чащино Тамбовской губернии Силантия Лычагина родилась ещё одна девочка. Да не дома, а на дороге, на дровнях, когда он вёз жену к фельдшеру в посёлок Мучкап. «Ижн, орастая!» – по звонкому крику Силантий понял, что дочь будет с характером. Она сразу признала материну грудь и с удовольствием начала сосать молоко. Силантий раскинул взятый с собой тулуп, прикрыл им жену и дочь, чтоб не застыли и повернул дровни обратно к дому. «Добрая работница и хозяйка получится, ишь как вцепилась. Эта свава не отдасть! Что у нас там в святцах? Анна! Ну так тому и быть!»

В избе с любопытством смотрели на Нюрочку старшие братья, уже вовсю женихавшиеся с деревенскими девками, да младшая сестра Дуняша, помощница и опора матери. Она и принялась опекать малышку, то покачивая её в «зыбочке», привязанной к потолку, то меняя намокшие свивальники под малышкой.

Эти тёплые, добрые Дуняшины руки Аннушка не забудет никогда! Спустя многие годы, приезжая к себе на родину с подарками, в первую очередь будет приходить в её дом. Подолгу, с удовольствием чаёвничать с московскими конфетками, расспрашивать сестру о тутошних делах и родных, с гордостью показывать своих детей и внуков.

А пока в Чащино намечалась весна, протяжно мычали в хлеву коровы, прогоняя давно уже опостылевшую февральскую метель и «кривые дорожки».

Хозяйство Силантия большое, доброе. Он считался крепким мужиком, «хорошо стоял на ногах», немногословен и жаден до работы. Может оттого, что знал, как управлять хозяйством и крепко держал его, как коня, за шлею, местные и прозвали его «Шляином», хоть и начинался его род с мастеров по плетению лаптей. Лыко было основным материалом. Умельцы весной срубали молодые деревья – «лутошки», отсекали ветки и драли полосное лыко со стволов. Потом набирали лычки по узору в лапти. Отсюда и пошли – Лычагины!

В Российской Империи в то время благодать мужику на Тамбовщине, выстрадавшая за долгие годы непосильного труда на помещиков и дворян. Он получил право на свободное землепашество и ведение собственного хозяйства. Страна кормила пол-Европы, подворья богатели. Живи да радуйся!

Сыновья Илья и Иван трудились наравне с отцом. Поднимались до зари, хлопотали на скотном дворе, давали овсу лошадям, выгребали навоз, месили глину, обжигали горшки в печи, ездили на реку Ворону за водой, да с отцом на ярмарку в Мучкап с товаром. Они первыми приносили городские вести, да больше «балашовских», чем «тамбовских».

Тамбовская земля – благодарная, богатая. Сдобренная жирным чернозёмом, она давала большие урожаи зерна и овощей. На всю Россию славился тамбовский картофель. Большая родня Силантия расплодилось и расселилась по Тамбовщине с конца шестнадцатого века, когда в России случился голод. Дворяне с боярами распустили своих крестьян, чтобы не кормить, на все четыре стороны. В те стародавнее времена это угрюмый, затишный предел. По берегу реки на деревьях каркало воронё, в предвкушении палой добычи, которые недоели вездесущие тамбовские волки, стаями бродившие по местным лесам. Оттуда и название реки – Ворона.

Работы мужику тут хватало. И чувствовал он всем телом, разумом, что это его родная Мать-земля, она и накормит, и напоит, и теплом согреет.

Около Вороны и появился сначала хутор Здрев (по фамилии основателей). Люди переселялись сюда на житьё – бытьё, разросся затишный угол. На левом, высоком берегу реки, заросшем непроходимыми кустами ежевики, стоял могучий лес-чаща, наполненный старицами и озёрцами, по половодью превращающийся в одно сплошное море воды. Стали называть это поселение – Чащино.

Поначалу местные жители окуривали лесных пчёл и обустроивали борти для сбора мёда, драли лыко с осин на лапти, возделывали землю. В церковь ходили в соседнее село Коростелёво. Уж коростелей в этих «затопных» местах было много, и так назойлив призыв птицы («крэкс-крэкс»), что жителям и название того села не пришлось придумывать!

Недалеко от Коростелёво, за рекой – место для выпаса скота, покоса сочной травы. Нелегко туда добраться в весеннее половодье. Вода уходила долго. Ждали-мучились. Оттого и звали это место – Мучкан. А как построили на том берегу церковь, то и разрослось село – Мучкап.

Река трудилась вместе с мужиком, крутила колёса построенных в Мучкапе мельниц, поила скотину. Летом она радовала ребятню, подкладывала на крестьянский стол вкусную рыбу: красавицу-щуку, хитроумного подуста, больших лещей, желтопузых язёй, усатых сомов, ярких краснопёрок, судаков по семь фунтов весу. Баловала его и стерлядочкой. В «холодной» комнате завсегда стояла кадушка с засоленной плотвой и чехонью.

Как работали, так и гуляли, отдавая животы на веселье. В хозяйских припасах имелся и «магарыч», и сало, домашняя колбаса, медовуха. В кадках созревали солёные огурцы, помидоры и арбузы. Разномастные самодельные горшки до полна залиты ароматным варением. Гуртами лежала картошка, в ледниках – мясо. Кринки с молоком, сметаной, простоквашей, созревающим в тряпочках сыром – всё умещалось в хозяйских кладовках.

А от сытости этой, да чего ж и не запеть? Вся народную премудрость и чувства переложили жители в частушки. Кто не слышал тамбовских? То-то!

«Нюранюшка
– матанюшка,
Пойдь ко мне «начас»,
Распослдений рас!»

«Я надясь сваво встречаю,
Он картошычку нясётъ.
Привычаю-привычаю,
А он глазым не вядётъ!»

«Крутиись мельниыца,
Крутиись гладыкыя,
Я у мельныка
Жина сладыкыя!»

И гулевали на свадьбах, крестинах, да по большим церковным праздникам. Отплясывали под гармони и балалайки. Где по дереву, а где и по земляному полу, отбивали лаптями ритм под Матаню. Кидали бобровы треухи в прихожей, благо «бобров в еньтих краях на кажную осину по два».

Малышня – на печках тискается к трубе ближе, да выглядывает из-за занавески: «Что там взрослые делают?» Сопливый молодняк на лавках у двери. Хозяин с хозяйкой во главе стола.

Вот гости – кто самосад садит, кто спорит, разбирая старое. И у половины деревни света в окнах нет, не чадят «карасинки», «кажный» второй дом вымер. А то как? Не позвали – оби-и-ида!

«Энтот диверь, энтот сваат,
Энтот кум, а энтот брат,
Ты, Матаня, кем мни буди-ишь,
Есля завтра приголубишь?»

А после – провожают друг друга до дома, наливая стремennую каждый раз до утра. И уже непонятно кто кого провожает, кум-куму или чётр – Ягу.

Текла как мёд размеренная Чашинская «жизня». Вставали затемно – Богу молились, чтоб не серчал за, вдругорядь, матерное слово. От натужного труда-то чего и не скажешь? Поднимали мальчишек-помощников, а то и нанимали работника: «Ишь, хлеба-то ноне вызрели, поди-ка, управься!» Дуняша сама вставала, матери помочь по дому. Пока она кормит Аннушку, надо «итить» на двор, за коровами убрать, кизяки поворочать: «Пусть просохнут!» Они и горят жарко и на мазанку пойдут. В летний зной дом из них прохладный, а зимой тепло сохраняется.

«Вот и братья скачуь-скачуть, как оглашенные, чагой-то кричать»? Прискакали, поводья бросили, бегом к отцу: «Папаня, папаня, война с ерманцем!»

– Какая война? – так и застыл Силантий с топором у чиненного им загона.

– На станции в Мучкапе Лёха-то Кирсановский сказал. Поезд, как час отъехал, начальнику тамошнему депешу передали, с печа-а-атями! – перебивая друг друга, рассказывали новости Иван и Илья.

– Ох, ядрёна мать! – отец ладонью смахнул пот со лба, одной рукой продолжая крепко сжимать топор.

– Война-а-а, – протяжно произнесла Дуняша. Глаза её заблестели и покатались по щекам две крупные слезинки. Она прикрыла рот платком, сдерживая всхлип. Жалостливо глядела на братьев и отца.

Вышла из дома «мамака» с запелёнутой Аннушкой на руках. До её уха донёсся плач из соседских околиц. Она невольно сжала плечи, крепче обхватила дочку. «Слышь, мать, война с ерманцем», – тихо произнёс отец. Понеслись ручьём бабы слёзы, захныкала и малышка. Горе. Война!

Завертелись, закрутились кровавые жернова. Через неделю прискакал с волостным чиновником усатый фельдфебель и забрал с десятков мужиков, годных к строевой службе в Мучкап. Там посадили в эшелон и повезли в Борисоглебск на формирование. Притаились тамбовские сёла. Война далеко, а двор близко. Какая ж хозяйка будет рада отправить «сваво мужука» в «енто» горнило?

Но война не бывает без тыла, и царь-батюшка с Думой покупали у крестьян зерно, овощи. Надо же снабжать идущие на фронт войска! Вроде и горе, но крестьянину, ещё остававшемуся на земле – прибыток.

В 1916 году маховик войны раскрутился вовсю. Императорская армия сумела и успешно побить австрийков, и откатиться, из-за растянутых тылов и фланговых ударов германских войск, назад. Наступало время знаменитого Брусиловского прорыва.

Силантий был немолод и призыву не подлежал, а вот старший сын – Иван, пошёл в рост и через год попадал под мобилизацию. В горнило войны бросали всё новых и новых русских мужиков. А оно, то поглощало их навсегда, то изрыгало назад, покалеченных, контуженных. Иных томило в своём чреве, в плену, чтобы переродить их в семнадцатом – восемнадцатом году для другой – Гражданской войны.

Летели, летели в города, сёла, деревни печальные известия. Приносили в дома тяжёлый груз, вчистую списанные по ранению фронтовики-земляки. Плакала русская земля слезами матерей, выла по-волчьи вдовьими голосами, холодела осиротевшими сердцами детей-ребятишек.

На дворе у Лычагиных Дуняша вывела за ручку малышку Аннушку, посадила на скамью, сама стала заниматься со скотиной. Прибежали соседские девчонки и забавляются с ней, как с куклой. Учат пальчиком грозить, да платок повязывать. Эна, свеклой щёки и губки намазали, смеются, озорничают! «Ох, надо братьям сказать, – решила Дуняша, – чтоб разогнали они енхтих «сорок пустых»!

Тут и пацанята малые откуда-то взялись, повытаскивали из плетня палки, в войну играют, в «ерманцев стреляють», в девчонок, значит. Дуняша прикрикнула на них. А они ей в ответ гвалтят: «Война-война». Аннушка, что мала, глянь – насупились, вытолкнула из себя: «Во-на-а-а», – и серьёзно погрозила пальчиком, ещё не догадываясь, сколько раз она скажет в жизни это новое слово и сколько горя принесёт ей война, как закалит её характер, каждый раз проверяя перевес жизни над смертью. В два своих младенческих года, это слово лишило её радостного детства, юности, нежности со стороны отца и матери, братьев. Только Дуняша являлась тонкой ниточкой, связывающей её с этим домом, с самой жизнью и родом Лычагиных.

В марте 1917 года колокольный звон наполнил сёла и города Тамбовской губернии, да и всей Империи. К одной беде добавилась другая. Государь Николай Второй отрёкся от престола. Господи, да за какой грех? Знамо, без царя в голове жить нельзя, а как без него на Руси? Что теперь будет с государством, с землёй Русской? Из столицы приходили сведения – вместо царя сейчас правительство и Дума. И что война с германцем будет продолжена до полной победы!

А она уже была не где-то, стучалась в дверь дома Лычагиных: «Открывай, куманёк, у тебя есть сынок!». В ноябре Ивану исполнилось семнадцать, а значит и он подлежал призыву.

Чтобы не ушёл сын на фронт без потомства, решили его оженить. Присмотрели на горе «девку», «общупали родителей» и весь род: «Никак – ровня!» Стали засылать сватов. Обрядили двух «приятелей», мать бросила им в спину лапоть, наудачу.

Сваты пришли, чин чином всё обговорили и назначили день «запой». Невеста Малаша, девка «кровь с молоком» из-за занавеси выглядит, любопытничает. Уходить, стало быть, сватам, но лаптя от неё в спину не получили, значит сговорились! Под Красну Горку пришла полковница с девками-подружками, двор Силантия осматривают, языками, как «бритвой режут». Ну, и, конечно, «магарыч» ставь! Иной «запой» шибче свадьбы бывает. Девку пропивали до первых воскресных петухов.

А ребятишкам-то что, забава. Иной взрослый спьяну, то конфеткой приголубит, а то и копеечкой. Аннушка хоть и мала, но скромна, ой, скромна. Ни конфеток, ни «угощений» не берёт, стесняется, да за Дуняшину юбку прячется. Коль песню, какую заведут, то тихо, красиво подпевает. А ежели «Канареечку» или «Мотаню»... Мгновенно вспыхивают её строгие глаза, да отплясывают босые ноги, на потеху всем взрослым. Ручкою машет, покрикивает. «ВеселАя»!

В октябре 1917 сыграли свадьбу Ивану, затем стали загодя готовиться к весенней посевной. Работы – неупорот, «мужуков-то в каждом» втором дворе позабирали. Деньгой, правда, новое правительство не обижало, но и требовало большой урожай доставить в сохранности. Пока суд да дело, решили дом поставить Ивану, на берегу Вороны, чтоб было, куда им с молодой Маланьей переехать.

Излом

Но не приехал более усатый мучкапский фельдфебель в Чашино за призывниками, грянул Октябрьский переворот. Побежали, побежали домой уставшие от войны и соскучившиеся по земле мужики. Целыми «сагитированными» большевиками толпами бросали позиции и возвращались в родные места, к семьям. Разбилась вдребезги, как зеркало, Российская империя. Рассыпалось осколками государство, подточенное войной, брошенное не желавшими напрягаться союзниками, и уже заражённое анархией. Царя нет, сейчас каждый себе царь. «Своя рубашка – ближе к телу» и «Моя хата с краю – ничего не знаю», стало лозунгом того времени. И началось великое брожение.

Одни, как в Тамбове, где земля родила, занимались собой (зелёные), другие – по центральным городам, делили власть. Большевики (красные) поднимали безграмотных мужиков, простых рабочих, маргиналов и уголовников до уровня чиновников. Разрешали грабить награбленное, убивать «золотопогонников» (офицеров) только за то, что у них по статусу погоны, пускать «красного петуха» по всем барским усадьбам. Белые, агитировавшие за царя и отечество, мужиков гнобили, загоняли шомполами в свои армии, пытаясь навести хоть какой-то порядок в отдельных кусочках разбитого зеркала. Но его не склеишь, осколки разлетелись далеко и пролегли границы между волостями, губерниями, деревнями, «красными» и «белыми», «зелёными» и «серобурмалиновыми», между отцами и детьми, между кровными братьями.

«Э-эх, гуляй Рассея!» Пьяные от крови, секли «разноцветные» мужики друг друга до седалища пашками, расстреливали сотнями, кидали в ров, доказывая силой свою правоту. Вымирало хозяйство, останавливались заводы, голод приходил в города. Три империи, охваченные огнём в Первую мировую войну, пылали жарко на человеческих революционных дровах, а затухая, являли новые государства.

И купился-таки русский мужик на большевистские лозунги: «власть – народу», «землю – крестьянам», «фабрики – рабочим» и «мир – солдату», наивно поверив в обещания. И он, став бойцом «революции», ради «великой цели» всеобщего «равенства и братства» стал убивать сограждан, не желавших делиться добытыми своими потом и кровью благами. Маленький, РКП(б)-эшный пятипроцентный осколочек зеркала, стал неистово плавиться, поглощая рядом разбросанные зеркальные куски, некогда бывшей Российской империи. Оно постепенно остывало, кристаллизовалось и покрывалось железной амальгамой с красным оттенком, будто впитывая всю кровь жертв.

В начале 1918 года, от непосильного труда и потрясений, выпавших на долю русского мужика, от укуса завезённой "дезинтирами с фронту" тифозной вши, скончался Силантий. Перед смертью, причастившись Святых Тайн у местного дьячка, раздал детям слабеющей рукой из накопленного "загашника" по пять золотых червонцев. За старшего остался Иван, а в отцовском доме Илья присматривал за матерью и младшими сестрёнками.

Через два года, женив Илью, иссохнув от тоски по отошедшему на "вечный покой" мужу, скончалась и мать. Его молодая жена, тоже Анна, почувствовала свою силу в Лычагинском доме и принялась "наводить порядки". Дуняша тихо плакала, глядя и жалея маленькую Аннушку, которой и доставались все тычки от новой хозяйки дома. Потом решилась и пошла к Ивану.

– Ваньша, Христом прошу, заberi ты нас из папинова дома. Силов больше нет. Совсем затыркала Аннушку Илюхина барыня. Проходу не даёт, всё не по-ейному, бруктаётся цельный день, что корова!

– Ладны! Пойдём сундук собиРём, живитя у нас. Только угово-ыр, я старшой – мне слушать! И Малашу тож! Кормиить, по-и-ить вас некады, хозяйство большое, помогать будитя.

Дуняша утёрла платком благодарные слёзы на лице и побежала собирать сундук и сестрёнку. К вечеру перешли к Ивану, чай пили "вместях". Аннушка с удовольствием вдыхала запахи недавно отстроенного дома. Всё здесь было непривычно, в новинку. Им с Дуняшей отвели просторный закут за занавеской в светёлке.

Жизнь в Чащино продолжалась, текла своим чередом, словно Ворона, спокойно, вдали от суматохи Гражданской войны, но и как река по весне разливалась и сметала прежние островки и наносы, меняя очертания берегов, докатилась та война и сюда. Сначала белый генерал Мамонтов совершил свой конный рейд по тамбовскому краю. Ворвавшись в Тамбов, он передал всё захваченное оружие местному активу Союзу Трудового Крестьянства. Но уже через несколько месяцев Тамбов опять стал «красным». Вот тогда и понаехали из «Танбова» коммунистические продотряды, чтобы выгрести зерно в деревнях и сёлах из крестьянских закромов.

Зароптали мужики, мол: «Как же так, наше зерно отбирают? Что ж мы есть будем, что сеять?», потом завывали и бабы, понимая, кормить детей будет нечем. В одном из сёл разоружили и убили продотрядчиков, запыхало теперь и на Тамбовщине. В городах были большевики, а вот по сёлам, под руководством бывшего офицера (из крестьян) и георгиевского кавалера Токмакова, собирались крестьянские партизаны, дабы отстоять свои труды, собранное зерно от несправедливой продразвёрстки, изымавшей подчистую имуществу, и еду. «Дорукводила» новая власть до того, что создалось аж три народных армии из крестьян и принялись они молотить не зерно, а продотрядчиков и местных активистов-коммунистов. И пошёл земляк на земляка, брат на брата.

Аккурат в двадцатом годе появился в Чащино и первый председатель сельсовета, тридцати восьмилетний коммунист Василь Никитович Фузеев, а при нём, кассиром избрали "беспартийного" Егора Павловича Жиркова. Поскольку председатель был из местных, то народ не роптал и в противостояние с властями не ввязывался.

В 1921 году стало ещё хуже, зерно на посев практически всё отдали в продотряды ещё осенью и зимой прошлого года. А остатки, что посеяли – не взошли. С весны до осени с неба не упало ни дождинки. Продотряды не отменили, собирать было нечего. Ели голубей, ворон, ракушки из реки, Ворона-то высохла, даже старицы и озёрца в лесу превратились в лужи, кишашими пиявками. Рыба вся издохла. Народ в Тамбовских чащах ещё сопротивлялся, но завершив неудачно Польский поход, на усмирение восстания отправился красный командир Тухачевский с регулярными войсками, вместо отдельных отрядов милиции.

Полководец подошёл к делу серьёзно и применил против засевших в лесу «народных мстителей» ядовитые газы. Из сорока тысячного крестьянского войска погибли одиннадцать тысяч человек. Остальных репрессировали или силой загнали в Красную Армию, смывать свою вину кровью перед Советской властью.

Но, поговаривали, что лихой фронтовик, земляк Стёпка Чернов собрал отряд и мстит новой власти за их «сильничанье». ЧОНовцы и продотрядчики ободрали и расстреляли народ в Чугреевке, Масловке, Кисилёвке, Адрияновке, Кулябовке. А военные части уничтожили Коптево, Хитрово, Верхнеспаское, разметали до основания из артиллерии.

Закрутило Стёпку Чернова это восстание по случайности. Зашёл он как-то с друзьями своими в Чащино на Крещение в январе двадцать первого года играть в карты. Засели они в доме Петра Фёдоровича Серова. Резались, да «магарыч» выпивали. И пришла им в голову лихая идея ограбить сельсоветовскую кассу. Налетели, грабанули, стали дальше картёжничать. Днём из Мучкапа отряд милиции нагрянул, да к Серову в дом, «кто, да где». Допытались и лихих «разбойничков» в Борисоглебск в тюрьму да посадили. Ан через два дня – расстрел, время-то "сурьёзное", военное. Ночью заарестованные достали где-то пилу, да перепилили решётки, спускаться по очереди стали, да не успели. Стёпка только с Ильёхой Лопатиным и уткли. Остальных расстреляли утром. В лесах, среди разрозненных Антоновских отрядов и сколотил свою лихую банду Стёпка. Вернувшись в Чащино, расправился с председателем

Фузеевым, да с Серовым, за то, что выдал, где они прячутся. Больше никого из сельчан не трогал, а предупреждал, чтобы те отказались участвовать в восстании и не шли в Антоновскую народную армию, так как понимал, что силы не равны, и помощи ждать неоткуда.

К 1922 году восстание было подавлено, а его руководители ликвидированы.

Голодно, холодно в Чащино. Ветер стучит незакрытыми дверьми в покинутых домах, погост за селом увеличился раза в два. Пусто... Но, кое-где куриться дымок от кизяка, вот и мальчишка выскочил во двор, в несуразном кафтане, больших онучах, почему-то в девичьем платке и с деревянным ведром в руке. Да это не мальчишка вовсе, а Аннушка по воду пошла. Надобно в кадушку натаскать, пол помыть, постирать в корыте кой-чего. А то, что голодно, не беда, попил колодезной и сыт до ужина размером с картофелину, а то и драников напечь на льняном масле с неё можно. Да и Дуняша-душа, не забывает, то маленький горький сухарик "дать", то прижмёт к себе и тепло сердцу!

Тяжело приживалась Советская власть на Тамбовщине. Кто бросал всё своё хозяйство и подавался в города, кто продолжал работать, распахивая землю на коровах, вместо лошадей, реквизируемых то красными, то белыми и сгинувших на кровавых просторах «гражданки». И четырёхклассная школа уже была, но немного детишек училось там, все старались помогать взрослым на хозяйстве. Вот и Аннушка, походила туда несколько "дён", да Иванова жена стала на неё косо поглядывать, дескать, от работы отлыниваешь, а хлеб даром ешь. Так и осталась она неграмотной на всю "жизнь". Самоучкой пыталась читать, складывала слоги. Из письма – только что расписаться и могла, а иногда ставила просто крестик.

Вот уже и Дуняша выпорхнула из "братова гнезда". Не висеть же на шее грузом. Выбора-то особого не было, сосватал её, любитель девок погонять и "пощупать", Николай Чеботарёв. Сговорились-поженились и переехали к нему, в мазанку с земляным полом, да с вишнёвым садом на задворке у оврага.

К середине двадцатых вроде и село стало оживать, была разрешена кооперация, продразвёрстку заменили продналогом и вместо безоговорочного отбора всего заготовленного зерна, появилась чёткая цифра, сколько должен крестьянин отдать государству с хозяйства. А остальным зерном он распоряжался по своему усмотрению. Хотя и здесь Советская власть лукавила, зачастую занижало цену на закупку излишков у крестьян. Ломающие спину с утра до ночи мужики не могли приобрести себе в хозяйство новые сеялки, веялки, другие промышленные товары, хоть чуть-чуть облегчающие их нелёгкий труд. Даже здесь с крестьян «драли три шкуры» – государство завышало цены на промышленную продукцию.

Несмотря на это, деревни и сёла оживали, появлялись добротные хозяйства, кооперативы, коммуны. На ярмарках стало веселее, и узоры на расписных лычагинских кринках, чашках и блюдах заиграли другую музыку. В 1926-м, после неудачных попыток Малаши родить в голодные годы, появилась и у них с Иваном наследник. Сына назвали Силантием, в честь деда. За маленьким племянником и стала доглядывать Аннушка. Она теперь в няньках, она старше!

Август в Чащино. Воскресенье. Выходной. Воздух наполнился горьковато-сладким запахом белой полыни, хлеба стоят «агромадные». Картофельная ботва в огородах уже начинает желтеть солнце припекает, ребятишки бегают по дворам, играют в казаки-разбойники. А кто на Ворону побежал, купаться, а то и рыбку половить, вентера поставить, да в чужие заглянуть: «Что попало?»

Договаривались гуртом тащить бредень из реки и варить на огне уху. Сбрасывались, кто луковицей, кто морковкой, а уж "картоху" тащили все.

Аннушка одела белый платочек, взяла Силантия за ручку и айда на песчаную косу за иванов двор к реке. Погреть натруженные ножки в тёплом песочке, да искупать Силку в чистой водице. Выходной-выходным, но уж такая родилась, в другой руке – большущая корзинка с кринками из-под молока. Надо промыть, да на солнышке дать обсохнуть.

Она положила посуду набок, до половины заполнив водой. Рыбьи мальки-глупыши с удовольствием заплывали в глиняные воронки и лакомились остатками молока или творога, прилипшего к стенкам. Аннушка резко подняла одну кринку и с десятков мальков очутились в ловушке.

– Силка-Силка, подь сюды, чяго покажу! – Силка закосолапил к своей няне, – Эна, рыбки!

– Ибки, ииибки, – закартавил радостно мальчик и опустил в кринку пухлый кулачок, пытаясь поймать их. Два или три малька очутились в его руке. Силка выпростал ладонь прямо перед своим лицом (интересно же, что там?). Сверкающие чешуёй на солнце хитрецы, совершив несколько кульбитов и ударившись об Силкин нос и щёки, упали в воду и дали дёру, присоединившись к большой стае, которая сновала возле кринок в реке.

– Ой, упыйи, – с напущенной грустью Силантий опять полез в горловину, пытаясь повторить незатейливую ловлю.

– Экий ты мендяль, – смеялась Анечка над неуклюжестью племяша.

Они бродили по горячей песчаной косе, то зарывая ноги в песок, то от жары забегающая по колено в воду. В прохладной прозрачной стремнине под пятками щекотался выюнوك, Аннушка заливалась смехом. Затем она ловила руками эту рыбку и показывала Силантию. Трофей был скользкий и извивался как змея, ни секунды не хотел оставаться в Силкиных ладоньках, плюхался в воду и зарывался в песок.

Аннушка вымыла кринки, оставив их сушиться на сорванных у берега лопушках, здесь же на косе. Затем принялась за Силкины волосы, поливала водой и втирала в них щёлок. Ещё раз кинула мальчишку в реку с головой и растёрла его домотканым полотенцем. Малыш помог собрать ей, ещё тёплую, от солнечных лучей вымытую посуду.

Вечерело. В лесу на другом осевистом берегу Вороны, где-то у болота, «закрексали» коростели. Девочка взяла племянника за руку и потянула домой. Силантий сначала упирался, всё ещё желая продолжения игры в воде с рыбками. Но затем уступил силе девушки и покорно поплёлся рядом. Отдохнувшее на реке тело гудело благодатью, глаза чуть слипались. Хотелось горячего чая. А после и поговорить, что было «надызь», "полузгать подсолнешны" или "тыклушины" семечки, а может и в карты поиграть.

Дома хорошо, окна открыты, в красном углу свечи у образов стоят. Иванова жена в "церкву" ходила, молилась о здравии. И куда в гору колобродила с таким-то пузом? А оно-то круглехонько, видать девка будет. Сверчок зачирикал за печкой, солнышко клониться к закату. Силка сидит за столом, доедает кашу с постным маслом, зевает.

На полу, на домотканых ковриках его младшая сестрёнка – Зиночка. С любопытством возится с самовязанной матерчатой куклой без глаз.

Аннушка помогла взобраться Силке на печку, положила Зиночку в зыбочку, собрала со стола и пошла доить с Малашей двух коров – Зорьку и Дарьку, что пригнал со стадом сельский пастух. Сначала протёрла влажной тряпкой ноги и вымя рогатой красавицы Зорьки. Корова благодарно мыкнула и в нетерпении, от распивавшего её молока переступала ногами, норовя попасть по ведру. Когда уже хозяйка начнёт доить?

– Да стой ты, анчихрист! – строго произнесла Аннушка, успокаивающе похлопывая рогатую по спине. «Стой, стой милыя!» – она заглянула скотине в глаза, погладила мокрый её нос. Доярка прошептала молитву, перекрестившись, подвинула под себя маленькую табуреточку, села. Обильно смазав жиром свои руки и коровьи сосцы, чуть помассировала её вымя. Затем, сцедив немного жидкости из каждого соска в кринку, подставила ведро и принялась за работу.

Струи молока, ниспадающие под натруженными руками в ведро, были тугими, плотными. Их сливочный запах заглушал аромат высохшей травы из сенника. Воздушная, пузыристая пелена молочного жира, сразу начала подниматься кверху ведра. Корова благодарно помахивала хвостом и выдувала силосный запах из ноздрей и рта.

– Нюр, сколь у тебя? – спросила Маланья, вытирая лоб краем платка.

– Да чай два ведра уже! Нагуляли, ой нагуляли наши короушки молока! – весело ответила Аннушка.

Три ведра вечером отнесли в ледник, а полведра разлили по кринкам и поставили в холодную комнату, чтоб подать на завтрак иль стготовить чего. Все хлопоты с молоком – завтра, сегодня – выходной, работать – грех!

Так и трудится Аннушка изо дня в день. То за домом приглядывает, за хозяйством, да на Ивановом поле батрачит с утра до вечера. И ведь пуще любого мужика упирается! Несмотря на юный возраст, честную, свою, крестьянскую деньги зарабатывает. А как же иначе?

Учит брат Иван гончарному делу младшую сестру. Крутится гончарный круг под Аннушкиными, не по-девичьи крепкими руками. Из куска бесформенной липкой красноватой глины под её ладонями от вращения рождаются чудеса. То кринка, то кувшин, то чашка, а то блюдечко. «Таперича надобно» чуть высушить, да раскрасить цветной «глиной-ангобой», а «енти» кувшины натереть гладким камнем-лощилом, да обжечь до чёрноты на коптящем пламени. Скоро осень и «ярманка» в Мучкапе будет весела, хороша!

Людской помол

Крутится-крутится гончарный круг, как колесо человеческой жизни. Создаёт гончар, как Творец, кувшины и кринки. Будут ли они красивы, словно людские тела, наполнены, как человеческие души?

Вот этот кувшин со щербинкой сбоку, а полон и молоко в нём не киснет. А тот – красив, но бесполезен и не нальёшь в него ничего. Ой, а эта кринка треснула и вытекает из неё варение.

Да и у гончара не всегда получается задуманное! И тогда сбрасывает мастер остатки неудачи с круга жизни и летят осколки в небытие. Добрый он или злой? Никто не знает. Только снова и снова вращается гончарный круг. Он пробует, создаёт, творит!

Крутится дальше крестьянская жизнь, словно тот круг. Теперь стал землепашец разбогачив, не хочет продавать излишки зерна по низкой цене. Изворотлив мужик, смекалист. Но что он против власти, прожжённой в политике, умной, начитанной, окончившей университеты, имеющей под рукой армию, выкованную в Гражданской войне. Снова стали гнуть мужика и вместо продналога ввели пятилетку. А под это дело единоличник-крестьянин, живущий хозяйством среднего пошиба, даже с одной-двумя коровёнками не годится. Им невозможно управлять. Он сам себе голова, а так быть не должно! И понаехали из района с указом: «Всех крестьян согнать в колхоз!».

И начал рубить мужик свою скотину, чтоб не отдавать колхозу. Рубит яблони, рубит вишни. Режет свиней, овец. Хоть мясо останется дома, фрукты детишкам на зиму. Прячет по сусекам. Понимает, что всё отберут, до ниточки, до зёрнышка, опять. Ничего не дадут взамен. Несогласен он положить всё за коммунистическую теорию. **НЕСОГЛАСЕН!**

А таких «неудобных» – в ссылку. Осваивать глухие земли, валить лес, рыть каналы, работать «за бесплатно», за похлёбку на голом месте, под «солнцем-дождём-ветром-снегом», без крыши над головой. Ах, ты умник? Смекалист? Ничего и там выживешь, да поокладистей станешь! Заместитель председателя ОГПУ Генрих Ягода приказ подписал под номером 44/21 от 2 февраля 1930 года «О мероприятиях по ликвидации кулачества как класса». Уже и зачитали его в спецорганах и на партийных совещаниях.

Закрутилось. Но не круг гончарный, а мясорубка, перемалывающая судьбы людей, самих людей. Делая из их крови, плоти, слёз – каналы, фабрики, метро, железные дороги. Даёшь людское топливо для ударныхстроек пятилеток! Усачи-революционеры крепко знали дело: «Весь мир насилия мы разрушим, до основания, а затем...» Вот и пришло это «затем». Легко, просто построить рай чужими руками. Повесить себе орден и скромно улыбаться в пролетарские

усы, завидев название «имени Сталина» или «имени Кагановича». Что такое миллионы жизней? Так – пыль на ордентке.

Долго, долго упирались Иван и Илья. Приходил к ним в дом и председатель колхоза. Бабы сидели в закутке, сложа натруженные руки на фартуках, мужики курили махорку и хмуро смотрели исподлобья на председателя, хлипкого односельчанина, у которого в хозяйстве до Советов не водились даже куры, да на Чашинского милиционера – рабочего из района, оставленного здесь на посту после Антоновского восстания. Председатель уговаривал, потом, не выдержав долгих разговоров, братьев начал страшать милиционер. Забыли, мол, как с Черновской бандой разобрались? Тоже хотите жён и детей в тюрьму, аль ещё куда? Смотрите! Но до ума крестьянина не доходило такое беззаконие. «Как же так, моё хозяйство, и я его раздам всем и этому председателю? Да он враз коров угробит!» Не хотели отдавать нажитое в колхоз, даже под угрозой репрессий.

И таких нежелающих набралось много. Но, чтобы не поднялся новый бунт, решила Чашинская власть забирать единоличников по одному и доставлять в сельсовет для суда. Так и ушёл, сначала Иван, потом Илья. В дом они не вернулись. Через неделю после суда, прибежал какой-то мальчишка и сказал, что: «Сажают их на телегу, вязут в район, в тюрьму!». Завыли бабы, заплакали детишки. Через полчаса пришёл председатель и ещё несколько колхозников-оборванцев, да пять милиционеров с района, да с двумя телегами. Показали бумагу, а там прописана принудительная конфискация скота, птиц для нужд колхоза и приговор: «По решению ПП ОГПУ 3 года концентрационных лагерей!»

Но пожалели Ивана и Илью председатель и Чашинский милиционер, поскольку были братья незлобивы, да и ребятишки – мал мала, да Иванова жена Маланья, с грудной Машенькой на руках. Не стали забирать их семьи в ссылку, хотя и наговаривали: «Эна, Нюраня малая, на Ивана батрачит! Кулак, истый кулак!» Однако, в доме всю скотину повывели, силком записали всех в колхоз. Топор, пилу и лопату тоже забрали – приказ: «Всех раскулаченных из Центрального Чернозёмного округа переселить с семьями на Север, в Мурманскую область, на строительство Беломорско-балтийского канала». А чтоб не тратиться на инструмент, отбирать их у осуждённых, но в поезд класть в отдельный вагон! Вдруг ещё чего удумают с топорами?!

Малаша и успела-то собрать Аннушке узелок, чтобы передать мужу. С вещами положила туда каравай хлеба, овечьего сыра, луковиц, варёной картошки, да сольцы немножко. Она как чувала, что с едой будет туго.

Женское сердце не обманешь! Заботливые спецорганы распорядились, при перевозке заключённых кормить их на станциях горячей пищей один раз в два дня. Кто видел эту еду? Кому она досталась? «Зато выживут самые сильные!» –, наверное, так думал Енох Иегуда, он же пламенный большевик Генрих Ягода, когда издавал приказ о раскулачивании.

Братья сидели на телегах серые. Некогда окладистые красивые бороды куце повисли. Руки безвольно лежали меж ног, взгляды уткнулись в родную землю. Лишь голос сестёр Аннушки и Дуняши вернул их ненадолго к жизни из печальных раздумий. «Ваныша, Илью-ю-ша!», – сёстры прорвались сквозь оцепление, упали братьям в руки, затряслись в горьком рыдании. «Господи, за что? Корми-и-ильцы, родные!»

Народу собралось много. Стоял вой и плач. Несколько телег были готовы к отправке, но милиционеры раз за разом оттаскивали родных от сидящих на них ссыльных. На одних сидели мужики, на других – семьи с нехитрым скарбом. На дворе стоял март тридцать первого года. Тронулись в путь телеги – завыли страшнее, кто-то из провожавших падал в ещё не растаявшие сугробы и там лежал, сотрясаясь от плача, а кто и просто в полузабытьи, не в силах перенести расставания, а может и вечной разлуки с родными. Рана страшная! Позже маленькая Зиночка Лычагина, ставшая Зинаидой Ивановной Румыниной, на вопрос дочери-пионерки Танечки о жизни «тогда», скажет: «Некляпа об ентом и говорить!»

Что снилось Генриху Ягоде ночью в камере перед расстрелом, таким же мартовским днём одна тысяча девятьсот тридцать восьмого года, в родном для него учреждении (ОГПУ-НКВД), которое он некогда возглавлял? Лица спецпоселенцев? Замученные или расстрелянные люди в братских могилах ГУЛАГа? Понимал ли он, что на долгие годы лишит потомков возможности узнать о жизни близких тогда? Нет. Он думал о том, что его расстреляют по ложному доносу. А о преступлении против невинных людей, он и не вспомнит. Это только пылинки на орденке Ленина, только пылинки. Большевики-усачи отвергли Бога. Но Бог не отворачивался от них и терпеливо ждал часа суда! Он может, у него есть вечность.

Прав был Лычагин Иван, не вступив в колхоз, понимая, что там понапрасну угробят его скотину. Угробили! Коллективным хозяйствам поставлен план по сдаче мяса государству. Порезали всё – и быков, и дойных коров. Всё по плану! Кто с этим будет разбираться? «Прядседатель»? С ним разберутся потом. Главное, выполнить-перевыполнить пятилетний план, отчитаться. Да нет, не к празднику Пресвятой Богородицы, а к «годовщине Революции», чтоб всем палочки за трудовни зачили! Зачли... отсыпали горсть зерна. Ну-у-у, пей его с водой!

На следующий год случился неурожай в Чащино, сдавать нечего, мяса нет, молока тем более. Где «прядседатель»? Не хватает, не хватает материала для мясорубки! Нужны ещё люди-человеки! Всё перемололи, давай ещё! И пошёл по этапу председатель и колхозники, обвинённые во вредительстве и саботаже советскому строю. Теперь их сажали на телеги и отвозили по этапу. Кого на Север, а кого и до ближайшего подвала тюрьмы. Чтоб засадить девять граммов свинца в черепную коробку и отправить в братскую могилу. Зарыть и забыть. Вот тебе, дорогой сотрудник ОГПУ и палочка-трудодень. У спецорганов – своя пятилетка, свои планы!

Тридцать третий год. Подсобные хозяйства пусты. Половина села опять вымерла. Ни мычания коров, ни хрюканья свиней, ни блеяния овец. Даже кошки перевелись. Съели. «Чем завтра кормить троих маляньких рабятишик?» – думают Малаша и Аннушка. Хорошо, что трава пошла в рост. «Нарвать лебяды, да кряпивы, хоть щи с них сварить!» Детишки пухленькие, да не от сдобных булок. Голод. «Голод!» – говорит желудок, – «голод», – крутиться в голове. Руки трясутся в такт словам: «Голод!»

Выручила река-матушка, Ворона-Воронушка. Чуть потеплей, заткнула за пояс подол Аннушка и натаскала самую большую Маланьину корзину ракушек-язычков. На вид-то не очень и пахнут тиной, когда варишь. Но питательны. Поешь, вроде и голод «отступайть»!

Когда в Поволжье стали есть трупы умерших животных, а в Харькове за год от голода и связанных с ним болезней умерло сто тысяч человек, даже до усачей дошло, что можно остаться и без народа, без фабрик, заводов, каналов, армии, БЕЗ ГОСУДАРСТВА. Пришло понимание – только махая шашкой и отбирая всё, невозможно создать благо для всех. Что человек трудящийся должен иметь средства производства, материалы для посева, необходимую технику, своё подсобное хозяйство.

Зашевелили задами теоретики коммунизма разных мастей. Решили при коллективных хозяйствах создавать Машино-Тракторные станции (МТС), с тракторами, комбайнами, ремонтными мастерскими. Чтобы удобно было колхознику возделывать землю, собирать урожай, чинить технику.

Начали завозить в сельские магазины – сельмаги и сельпо больше товаров для крестьян. Создавали клубы (в основном на месте церквей, дабы утвердить в народе мысль, что Бога нет, а вместо него поставить нового отца-бога – товарища Сталина). Додумались и ликвидировать безграмотность, стало стыдно, что человек будущего не умеет ни читать, ни писать. Но, кто возвратит родных? Молилась Малаша, молилась Аннушка, молилась Дуняша, чтобы Господь вернул Ивана и Илью на родную землю.

И чудо произошло. В тридцать четвёртом году приехали на телеге с Мучкапа Иван и Илья. Точнее, их тени. Осунувшиеся, практически без зубов, сотрясающиеся от кашля дохляки. Растеряли здоровье по северным лесам, на рубке деревьев и земляных работах Беломор-

ско-балтийского канала. Благодарные труженики не забыли вылить из бронзы бюст своему «благодетелю» Генриху Ягоде и замуровать его в основании звезды на одном из шлюзов канала.

По случаю возвращения братьев достали магарыч и пили «горькую» без слёз. Всё было выплакано раньше. Кабы знали, вы, милые, простые крестьянские бабы, что ждёт вас впереди!

Анна

Оторвавшийся листок

«Детишков» у Ивана полно в доме, тесновато. Денег нет, сами выкарабкиваются. Решила Аннушка пойти жить к Дуняше. «Чай не прогонят!» Сначала обговорила всё с сестрой, та – с мужем Николаем. И зять не против оказался (ох, кабы знала почему). Аннушка собрала у Ивана свой узелок, расцеловала детишек, сказав, что обязательно будет к ним заходить и играть, песенки петь, благо дома их стояли недалеко.

Шёл Аннушке двадцатый год. Молодость и сила наградили её тело притягательными формами. Красивое, волевое лицо, серые глаза, улыбка, с чуть заметной хитринкой, чёрные, как смоль, волосы бережно сплетены в косу, лежащую на упругой девичьей груди, нежные, но в то же время сильные руки, бархатистый голос. А певунья и плясунья – из первых! Хоть и одёжка не ахти, ношена, но парни заглядывались на неё, грозились проводить до дома. Но набожна Аннушка, слушалась законов Христовых, поэтому парням «спуску не давала». Смотрела на их дела-труды.

А при колхозной-то жизни, «упиравшихся» в труде особенно не было. «Кто обо мне и о детишках станет заботиться? Нет. О замужестве решать пока рано. Погляжу маненько», – ладила Аннушка о женихах.

Дуняша с Николаем встретили гостью приветливо, хоть и у самих маленький сынишка. Подвинулись, приняли родню в дом. Обрадовалась Аннушка, очутившись под одной соломенной крышей с сестрой. Казалось, ничто не могло их разлучить. Вот и муж «еёный», Николай Саблин, сам «виднай», «красивай». Глаза со смешинками. Как с дорогим гостем с ней гутарит, всё пытается угодить. Постелили на топчане в соседней комнате. Спать легли.

Ночью, зашебуршился Николай, пошёл на двор. «По нужде», – подумала Аннушка, проснувшись от скрипа двери. И так несколько раз за ночь выходил он, не давая спокойно спать новой жилищке. Днями, оставляя на Аннушку малыша, супруги ходили в колхоз на работу, а оттуда иногда возвращались порознь. Николай старался приходить раньше Дуни и всячески задабривал свояченицу гостинчиком, втайне от жены.

Простая натура не помогла Аннушке вовремя догадаться чего добивался Николай. Она думала, что всё происходит по-родственному, по-дружески. Улыбалась приветливо, как брату, рассказывала о дневных заботах. Что в саду вызрели «вышны», пора и собирать, да что ходила к Ивану, провести племяшей. Николай сидел рядом с ней в доме на лавочке, поглаживая её по руке.

– Нюранюшка, водицы б из сеней принесла б холодная, жарко, силов нет, – ележно произнёс Николай. Видать, стеснялся малого сына, посапывающего в «зыбочке».

Аннушка вышла в сени, подошла с ковшом к ведру. Вдруг дверь опять распахнулась, и Николай коршуном набросился на неё. Вцепился в руки, понимая, что ковшом получит отпор, повалил девушку на земляной пол и начал лезть своими огромными ручищами под сарафан. Аннушка сопротивлялась как могла, плакала, причитала, что б не «сильничал» он. В конце концов, ей удалось извернуться и размашисто ударить его по голове ковшом. Николай ойкнул и ослабил хватку.

– Блядун дурнай, Госпыди прости, – крестилась она, – сволычь!

«Что же теперь делать, как жить?» – думала Аннушка, – как рассказать Дуняше? Или не говорить? Может у него припадок, припадошный? Эна, жарынь-то какая, поплыл! Ладно, повременим чутка, утро вечера мудренее.

Пришла Дуняша. Николай сидел на лавочке, смурной, потирая ушибленную голову. Аннушка занималась с малым. Дуня сбросила запревший от жаркой ходьбы платок, накинула чистый, подошла к мужу.

– Коль, чаго такой смурнай?

– Да об ком земли споткнулси, да на угол веялки налетел. Голову тут побил, – показывал он на шишку.

– Ой, мила-а-ай, болезный мой, – Дуняша обняла голову мужа, поцеловала в ушибленное место.

Аннушку, как молния пронзила. Плечи её дёрнулись, из глаз полились слёзы. «Нет, не поймёт Дуняша. Эна, как любить яго, супостата! Что делать? Что? Авось утихомирится и поостынет».

С этого времени Николай, как с цепи сорвался. Понимая, что боится Аннушка открыться сестре о домогательствах, он постоянно зажимал её в углах дома, жарко сопя, лапал ручищами. Аннушка молчала, глотая слёзы, позволяла всё проделывать с собой. «Лишь бы сестра не узнала, не оттолкнула!»

По вечерам супруги Саблины выходили во двор. Аннушка, закончив хлопотать по хозяйству, торопилась на улицу, на гуляние. Опостылел ей Дуняшин дом. Может братьям сказать? Нет, не откроешься, укажут – сама виновата, зачем ушла жить к Саблиным? Да и «мужуки» поговаривают так: «Сука не захочет, кобель не вскочит»! Из колхоза не убежишь, документ не дадут. Слёзы её душили, не пелось ей на гуляниях, ходила как в тумане.

Николай продолжал приставать и в один из дней ниточка, ещё державшая Аннушку здесь, на этом свете, лопнула. Она сопротивлялась из последних сил, исцарапала ему лицо. Грязно матерясь, вытирая рукавом рубахи кровь и сплёвывая через зубы скопившуюся слюну, Николай выскочил из сеней, побёг умывать царапины.

Аннушка, обессиленная от борьбы, лежала на земляном полу, тупо смотря в поперечную деревянную балку крыши. Мысль пришла сама собой. Она поднялась, сделала пару нетвёрдых шагов, взяла валявшуюся в углу толстую плетёную конопляную верёвку. Яростно подвинув пустую бочку, перевернула её вверх дном. Забравшись, начала с остервенением вязать узлы на балке и вить петлю. Она ненавидела сейчас весь мужской род, проклинала судьбу, войну, новые порядки, милиционеров, колхозников, всех, кто так или иначе, сделал её сиротой так рано. Даже Дуняша стала ей ненавистной. Истерзанная, попанная, брошенная в этом мире, она надевала петлю на свою смуглую шею. Полное одиночество. Беззащитная песчинка на гончарном круге.

«Господи, прости!», – откатилась бочка, ноги повисли в пустоте. Петля сдавила горло, в голове зашумело, стал исчезать внешний звук. Вдруг кто-то обнял её ноги, натяжение петли ослабилось. Отдалённо прозвучало: «Нюра, Нюра, что жа ты? Госпади-и, прости её грешныя! Нюра, Нюра, слы-ышь? Коля, роднай, бяги, помоги мне, скорейя!» Не оставил Господь, в которого так истово верила Аннушка её в трудную минуту, не дал согрешить и наложить на себя руки, послал ей Ангела-хранителя в лице Дуняши.

Сам охальник развязывал петлю своей жертвы, вымаливая прощение. Всё узналось, всё открылось, но, тем не менее положение Аннушки у Саблиных от этого не изменялось. Её мучил грех самоубийства, не могла она простить и Николая. Понимала и то, что весть о случившемся разлетится по селу, все будут «лясы точить», указывать на неё пальцем. Но главное, она не могла простить себе, что на мгновение возненавидела Дуняшу, её родное, кровное существо, её «душу».

Сестра до ночи разговаривала с Аннушкой, отпаивая чаем, успокаивая судорожные рыдания, прося прощение за мужа. Пытаясь умиловить сестру, Дуняша обмолвилась, что в Мучкапе набирают добровольцев на ударную работу, на торфоразработки, где-то около Москвы.

Аннушка, вдруг очнувшись, схватилась за это новость. Начала расспрашивать подробнее. Да, незадача, по годам не подходит, трудармейцы должны быть на пару лет старше! Решили через родню – «десятую воду на киселе», добавить в документ недостающие лета.

Через неделю на Мучкапском вокзале Саблины провожали Аннушку в дальнюю дорогу. Путь лежал в посёлок Запрудня Талдомского района Московской области. Они долго стояли обнявшись с Дуняшей, пока Николай как ни в чём не бывало суетился подле.

Ни руки не подала ему, ни словом не обмолвилась, зашла в вагон с чемоданом и двумя котомками. Села возле окошка на деревянную лавку и принялась плакать, смотря на вытирающую слёзы краешком платка Дуняшу. Поезд тронулся, поехал. Стало отрываться Чашинское время, сладко-горький запах полыни, сладко-горькая юная «жизнь» её на этой благодатной земле.

Часть II

Пётр

Сольцы

Это был не колокольный звон, Пётр ещё помнил, как звенели колокола в храме Архангела Михаила на площади в Талдоме, до того как посшибали с него маковки со звонницами в середине тридцатых годов, да завезли оборудование для обувной фабрики. Тот мелодичный благовест ласкал слух, предвещал таинство причастия, воскресного утра, цветных женских платков и базарного дня.

Сейчас звенело всё: и воздух, и земля. Раскачивался адский колокол войны, вынимая из тел людских души и разум. Он заставлял жалко прижиматься, сливаться с дном траншеи, твердить запрещённое «Отче наш» даже безбожных партийцев. Звон переходил в гул, перемешивался со скрежетом рвущегося металла, земля содрагалась. Поднимавшаяся пыль от разрывов боеприпасов заслоняла солнечное небо. Только по теням, проносившимся над плотным скопищем взвеси, можно было понять, что немецкие самолёты не отпускают свою добычу. Штурмовики устроили «карусель» и сбрасывали смертоносный груз по очереди на передовые позиции нашей горно-стрелковой бригады на высоком берегу Мшаги.

Рядом с Петром, прикрыв руками голову, лежал его земляк Сергей. Пётр думал, что не одинок в этой мясорубке. «Вот – мой товарищ, живой, рядом тоже старается выжить, значит, это нормально, значит, я не трус! Почему трус? Не-е-ет!» Этих гадов он не боялся! Так же, как умело делал башмаки, хорошо обращался с винтовкой, метко стрелял, ведь за плечами была срочная служба в Красной Армии. По-хозяйски обходился с патронами, берёт обоймы в подсумке в промасленной тряпочке. По команде открывал огонь, стараясь положить мушку под середину тела наступавшего фашиста.

Только раз под Сольцами его замутило, когда влепил он пулю в выскочившего вражеского ефрейтора. Ни Пётр, ни немец не ожидали такой близкой встречи, да и вообще, фрицы мнили себя победителями. Перед ними уже чётко вырисовывался образ России, как «колосс на глиняных ногах», озвученного министром пропаганды Геббельсом. «Дунь и он великан упадёт!»

Так и шли немецкие войска вперёд, как на прогулке, распевая «Лили Марлен», попутно убивая, грабя и насилуя «недочеловеков-славян». И вдруг под Сольцами, побежали назад, округляя в страхе глаза, рванули аж на сорок километров, бросая технику!

«Под Сольцами! Удивительно! И не думали, что фриц драпанёт! Эна, отмахали германцы от границы сколько! Пол-России протопали, сколько ж эшелонов на фронт ушло и «сгорело!» – содрогаясь вместе с землёй от разрывов, думал Пётр. «Ведь и нас в Ленинграде недолго готовили, по слухам в Карелию хотели отправить с финнами воевать, а переместили обратно, по той же железке. Хорошо, что успел письмо кинуть Аннушке, мол жив, здоров, еду воевать с немцем. Ах, Нюрочка, моя, детушки, каб знали вы, сколько здесь страха! Всё нутро гудит! А ответить этим гадам чем? Дык и пальнул бы в немецкого коршуна, да не видать за пылью!»

«Ох и пыль летит, да под колёсами, привязала ты меня своими косами!» – вдруг пропелась в голове его частушка. «Анечка любила, когда я пою. Милая моя, добрая моя, где же ты?»

Чтобы не сойти с ума от бомбёжки, крепко сжав винтовку в руке, Пётр скрылся за оболочкой внутри себя, вспоминая былые годы.

Счастливая жизнь

Вот их хутор, прямо по лесной дороге от деревни Кривец, что на берегу реки Дубны близ города Талдом. Рядом с большим домом стоит распряжённая бричка, лошади на поляне щиплют травку. Братья Василий и Сергей, сестрички Мария и Анна сидят с родителями за столом в красном углу, черпают из чугунок кашу. Протяжно мычит корова в хлеву, трава возле дома большая, вся в росе, рядом дремучий лес. В угловой комнате-«мастерской» отец учит его, Петра, башмачному делу. Талдомская обувка известна на всю Россию. Купцы часто навещаются к мастерам-чеботарям за товаром. Благо Савёловскую железную дорогу провели и станцию сделали в городе.

Прокрутилось время, словно «фильма» и он уже юноша. Отца схоронили, разлетелись из хутора все дети. Повыходили замуж сёстры, братья оженлись. Сам Пётр тоже с невестой ходит, да больно мамане она не нравится, нет-нет, да и шмыганет молодуха носом. Мать живёт с ним, но благословения на женитьбу не даёт: «После армии!» – говорит.

Полетели кадры плёнки ещё быстрее. Пётр срочную отслужил в Красной Армии, вернулся. Пошёл работать в артели башмачников. Но грустно ему, невеста ждать не стала. Да вдруг сестра подсказала, что есть у них на торфоразработках в Запрудне статная черноволосая девушка, доброты необычайной! А хозяйственная, смекалистая, только что неграмотная (впрочем, это не было редкостью тогда). Сговорились, что Мария познакомит брата ненароком.

Анна стояла у большого котла, готовила для рабочих щи. В полевой печурке огонь приятно потрескивал, отгоняя обволакивающую сырость болотистой почвы. Гуртом у тепла вились комары. Девушка отмахивала их берёзовым веником, вытирая передником пот со лба.

– Нюранюшка, познакомься, это мой брат! – весело произнесла Мария.

– Пётр, – нарочито «сурьёзно» представился он.

– Аня, – поправив прилипшую кудрявую прядку у виска, Аннушка протянула руку для рукопожатия.

«Ого, крепкая, натруженная! Глаза-то какие серые, а голос! Чистый бархат!» – про себя отметил Пётр.

– Нюра, спой-ка нам пару танбовских частушек, развесели гостя, чего-то смурной он с утра, – раззадоривала Аню Мария

– Дык и спою, чего ж не спеть! Пётр, а чего приехал, сестру провожаешь, али по делу какому?

– Маша кажет, у тебя обувка стёрлась, а у меня ноне есть башмачки, сторгуемся?

– Эна, купец-молодец какой. Ну, стало быть, показывай!

Пётр достал из чемоданчика башмачки.

– Хороши! Ах, ты-ы-ы, рука-а-астай, а чёрен-то, как цыган! Петь, тебе хуч коня и в табор, а?

– Давай-давай, зубы заговаривай! Вот возьму тебя, как цыган и украду из еного табора!

– А я тебя ухватом, да по голове, – Анна потянулась к длинной деревянной рукоятке у печки.

– Да не бойсь, не цыган я, чтоб тебя воровать. А на танцы пойдёшь? Гармонист у нас в Талдоме хорош, хошь кадрили, хошь барыню сыграет, только ножки береги!

– Ну, коль Маша пойдёт, дык и я схожу! Как раз в твоих башмачках и приду. Проверю, коли пляску выдюжат, то и деньги отдам. Сколь стоят-то?

– Два червонца и сочтёмся!

– Ох, ты, быстрой какой, червонец – красная цена!

– Ладно, двенадцать рублей и порешили!

Мария улыбалась, наблюдая за их смешным торгом. Глянулась Аннушка Петру! Эх, красивая пара получится!

Субботним вечером встретились все в Талдомском парке, на танцах. Лихой гармонист заводил и кадрили, и плясовые. А частушек было спето... да больше советских-колхозных:

Растяну гармошку шире,
Пусть девчата подпоют.
Чтобы знали во всём мире,
Как колхозники живут!
Ах ты Петенька-Петруша,
Выходи-ка ты на свет.
Чтобы лекцию послушать
В клуб зовёт нас сельсовет!
Нам в колхозе веселее,
Мы в колхозе не одни.
Сеем, пашем, не робеем,
Получаем трудодни

Между плясовыми Аннушка рассказывала о себе:

– Знаишь, когда приехала сюды, вначалии тяжко задалось. Сыро. У нас не так-то, пожарчее. А комаров у вас – страишь как много, так и выются роям, роям! Покусили мне шибко, захворала лихоманкой. Трясёить, да все кости ломить. Отляжались я, стало быть, в лазырете. Да тут Маша-душа, попросила повара взять к себе в помышь. Так вот при котлах и кошеварю. Но люди здесь хорошие, в обиду не дадут!

– Да, люди у нас што нада! Работящие, поющие и немного пьющие, – рассмеялся Петя.

– Знаешь, Нюранюшка, хочу тебя с маманей познакомить, да с братьевьями. Поедем, погостюем. Да чаю попьем, племяшей моих посмотришь. Одной-то, в бараках, поди скучно?

– Ох и быстёр, ну чистай цЫган! Дыкть, ладноть, парень ты вроде свойский. Только ко мне – никшни. А то щаз охальников-то много. Чё потом дееть-то? Ладноть, поехали, посмотрю на жизнь твою.

– Тогда в субботу, после работы на бричке приеду к тебе, жди!

– Ну и сговорились!

Авдотья принимала «невесту» строго. Пили чай. Она глядела то на Аннушку, то на Петю, заранее зная, что жить она останется с любимым сыном. А кто будет рядом? Тут не промахнуться бы! Пете – широкой душе, первому-распервому башмачнику и певуну нужна была крепкая хозяйка, такая, чтоб и за скотиной походить, да мужу в делах помочь, ночью утешить, да за детишками и свекровью присмотр. А то, что неграмотна – невелика беда! Эна, руки-то какие – трудовые, привыкшие к работе. А взгляд – ласковый! Скромная, уважительная к ней, старшей в доме.

Аннушка пришлась ей по нраву. Ничего не говоря, Авдотья тайком погладила Петину руку – добрый знак!

В тридцать шестом на Красную Горку сыграли свадьбу, да переехали из хутора в село Большое Страшево. После, подались в город и поселились в Талдоме на Московском шоссе у пожарной каланчи в двухэтажном деревянном доме. И хорошо, до базара-то шаг шагнуть! Бричку продали, когда покупали жильё, теперь она за ненадобность. Петя стал учить Аннушку башмачному делу. Ох, ну до чего ж хороша! И подобёт колодочки правильно и песню попросит спеть, да подпоёт сама. В доме всё ухожено, занавесочки на окнах

кипельно-белые, на железной кровати подушки под вязаными накидками. Тикают ходики. Уютно. Маманя не нарадуется на невестку. Стучат молоточки, да льётся песня из их окон:

Из-за острова на стрежень
На простор речной волны
Выплывают расписные
Стеньки Разина челны.

«Почему у нас, простых людей, счастье всегда с горем женихается?» – думал Пётр, уже не слыша разрывов бомб, летая где-то далеко, над Талдомом, километров за шестьсот от этого адского воя. Вспомнил, как в конце тридцать шестого родилась у них с женой дочка Катенька, как рада была Авдотья внучке. Аннушка связала Катюше носочки из шерсти и маленькие, прям игрушечные, «вярежки». Но не уберегли девоньку, простыла, закашляла, усопла в горячечном сне. Первые седины в её смоляных волосах появились именно тогда, в начале тридцать седьмого года, когда хоронили Катюшу на городском кладбище в Ахтимнеево. Молча постояли у могилки, потом закатали маленький гробик, обитый красной тряпкой. Лились и застывали от мороза на лице Аннушки слёзы. Она смахивала эти льдинки тыльной стороной варежек, не смотря на Петю, винила во всём себя, перенесённую малярию, которая не оставила шанса на жизнь этой маленькой девочке.

«Бог дал, Бог взял. На всё Его воля!» – всё, что произнесла она за этот день. Её лицо изменилось – первые морщинки легли под глазами, чуть стали поджаты губы. Но во взгляде появилась какая-то решимость. Она ещё усерднее трудилась, не принимая опеки тёщи, сама стараясь её опекать. С Петей стала ещё более страстна и одержима в их любви.

Тридцать восьмой год случился и счастливым, и трудным одновременно. В стране раскручивался маховик репрессий. «Враг народа» – главное ругательство в те годы. Им кидались и в магазинах, и на колхозных собраниях, в очередях. До тех, кого ещё не затронули репрессии не доходил весь ужас этого словосочетания. Они не слышали лязга наручников, скрип тюремных дверей, воя избиваемых во время допроса людей. Не видели обречённость в глазах увозимых на расстрел арестантов. Они не понимали, что раз приклеенный на человека этот ярлык снимут через пятнадцать лет, за которые многие из арестантов загнуты от голода, вшей, побоев, каторжной работы в застенках ГУЛАГа.

В местной потребкооперации, начальником которой был брат Петра Василий, выявили недостачу. И не то, чтобы она существенна (в каком магазине этого нет), но страшно. СТРАШНО!

«Земля слухами полнится», – говорят в народе. Хоть и не слышали «на воле» крики допрашиваемых в камерах заключения, но информация об ужасе творящемся у следователей доходила до людей интеллигентных, образованных. Василий о тюремных пытках знал, никого из своих коллег и родственников подставлять под удар «карающих органов» не хотел. Ничего никому не сказав, просто пошёл в лес, надел на себя петлю и удавился.

Каково матери хоронить сына, а братьям и сёстрам вдруг ушедшего родного человека? В городе шептались, «враг-враг», «проворовался», «недостача». Но, к счастью дело не стали расследовать, а, может, и вовсе такового не было. Просто нервное напряжение и свет чёрных воронок НКВД по ночам доводил людей до безумия.

Чёрная полоса сменилась белой. Счастье пришло в дом Петра и Анны Шевяковых. Летом родился у них мальчик, да черноволосенький, и уже с кудряшками на голове. Бойкий мальчонка! Смышлёный. Володечка! В честь Ленина! А как же? Аннушкины глаза заулыбались, на сердце отлегло. Петя вечером брал сына на руки, когда тот чуть подрос – качал его на ножке, пел Володеньке песенки, играл в «ладушки»:

Ладушки-ладушки, где были?

- У бабушки!
- Что ели?
- Кашку!
- Что пили?
- Бражку!
- Попили? Поели? «Кшу», полетели, на головку сели!

Мальчонка заливался от смеха, поднимая ладошки над головой. Он радостно бегал по комнате и веселил бабушку Авдотью.

«Цыганёнок шалый!», – подначивала Аннушка, смотря в его карие глаза. Пётр приспособил Вовочке деревянный молоточек и тот с удовольствием стучал по принесённой деревяшке, важно пыхтя и поправляя «заготовку». «Рука-а-астай! Весь в отца!» – гордо и протяжно говорила мать.

По Талдомской брусчатке грохотали телеги в базарные дни. Иногда одиноко, на радость детишкам, проезжала машина. Малышня и подростки гнались за ней, что было духу, но всё же на горке отставали. Талдом жил простой жизнью провинциального городка, узнаваемый только по обувным изделиям местных артельщиков, да потому, что «где-то тут родился Салтыков-Щедрин, революционный, надо сказать, писатель, который против царя сказку скропал». Незаметно пролетела и закончилась советско-финская война. Разгромили белофиннов одним ударом, «встречай нас, красавица Суоми» (про потери и цену, какой нам досталась часть Карелии, молчали), границы всё ж от Ленинграда отодвинули на наших условиях, сообщали газеты. Про то, что на западе собирается грозная сила, газеты умалчивали. А что писать? Сталин поддержал Гитлера, Гитлер поддержал Сталина. Мы им нефть, руду, они нам станки, оборудование. ДРУЖБА!

В конце августа сорокового года родилась дочка-Верочка. Ну такая хорошенькая и пригоженькая! Аннушка не выпускала её из рук, памятуя о судьбе Катеньки. От люльки не отходил даже маленький Володя. Нежно глядя сестрёнку по розовым щёчкам, немного картавя, он шептал: «Ве-я». Молоточек заброшен. Ему удивительно видеть маленького пупсика в их комнате. Для ребёнка произошло чудо. Он был один, а теперь их стало двое.

Зима с декабря сорокового по март сорок первого выдалась холодной! Печку топили нещадно. Непереставая дул ветер, заметая улицы мелким снегом. Мороз трещал у отметки минус сорок пять градусов. Многие обращались в талдомскую больницу с обморожениями. Дома у Шевяковых Вовочка в ста одежках, в трёх пуховых платках – Верочка. «Кабы не простыла!» Аннушка обвязывала крест-накрест тёплыми платками и себя, чтобы не застудить грудь. Но справились, в конце марта зазвенела капель, в апреле у Юдино вскрылась ото льда Дубна и весна ворвалась в Подмоскovie. Начали готовить землю к посадкам. Опилили замёрзшие фруктовые деревья, которых почти и не осталось.

Июнь сорок первого на исходе, Верочка делает робкие шаги по комнате, но ещё просится на мамины руки. Бабушка Авдотья, нет-нет и побурчит на Аннушку, что, дескать, приучила дочь. А та – всё улыбается, отшучивается: «Ну что вы, маманя, всё хорошо! Эна, уже и ходит. Да, побалую я ещё. Посидит на ручках, чай не убудет!»

Вошла пшеница на полях, картошка проклюнулась. Клубника в огородах стала приобретать красноватый оттенок. Шумели первые грозы... и тут грянула другая, кровавая, страшная!

Петя вспомнил до мельчайших подробностей тот последний мирный день в их с Аннушкой жизни. Ещё в субботу решили провести брата Сергея, его жену Ксюшу в Кривце. Съездить к нему, затариться медком, искупаться в Дубне, посидеть под цветущими липами, да половить рыбки на реке. Дружны они были с братом.

Солнце ярко загорелось на востоке, предвещая жаркую погоду. Дети ещё сладко посапывали, когда супруги затеяли сборы. Петя сходил на площадь, договорился с извозчиком, чтобы он подогнал тарантас к дому. Положили в кузовок вещи и гостинцы, в десять утра тронулись.

Солнце припекало вовсю, ехали лесом часа два через Пановку, через бывший их хутор, который стоял позабыт-позаброшен. Он всё показывал сыну на обветшалый дом, с галочьими гнёздами, да колодец с журавлём около. «Вот, Вова, я тут жил, бабушка твоя, да братья-сёстры мои. Хорошо жили, дружно. Башмаки чинили, да скотину пасли, грибы-ягоды собирали. Смотри!»

Маленький Вовочка глазел на покинутое жилище и ему было жутковато. Он прижимался к отцу и ухом, через одежду, слушал его «унутренний» голос. Верочка, пригревшись на Аннушкиных руках, посапывала и не обращала никакого внимания на дорогу и разговор.

Гостям в Кривце рады. Ксюша, жена Сергея, очень любила сладкие городские конфетки! Она с удовольствием приняла гостинцы и повела родственников в дом, есть, только что приготовленные, «финтиклюшки». На столе стоял противень с пышущими плюшками, посыпанных превратившимся в глазурь сахаром. Тут же чугунок каши, с таявшим наверху сливочным маслом, кастрюля с медовухой, тарелка с сотовым мёдом, кринка молока. Пара рюмочек и граждённых стаканчиков. Все расселись на скамьях. Выпили за встречу и потёк неспешный разговор о житье-бытье, о детях, о родителях, да и о детстве, как раньше было, а как сейчас. Мужики говорили о проведённых на хуторе годах, женщины сустились у стола, делились хозяйственными премудростями и занимались с ребятишками.

Встали из-за стола, вышли на огород, сели под липки. Маленький Вовочка, почувствовав простор, носился, как угорелый между деревьями. «Вова, к ульям-то особо не подбегай, а то вжалить пчёлы могут» – предупреждал сына отец. А ему – хоть бы хны, везде своё любопытное личико просунет и смотрит глазами как «вышиня» на пчёл, да на леток, откуда они выползают. И не трогают его полосатые. Удивительно. Свой!

Потом пошли на реку. Ох, день жарок! Водичка прохладна, хороша! Аннушка с Верочкой не стали купаться, только побрызгались на мелководье, боясь застыть. А Пётя с Сергеем изловили Вовочку и учили его плавать по-собачьи. Бабы причитали, чтоб не «утопи рабёночка», но больше понарошку, зная, что мужуки такого не допустят. Часов в пять стали чаёвничать, да в шесть собрались домой, чтоб засветло. Сергей запряг телегу, да повёз гостей до Талдомской дороги. Доехали скоро. Солнце только-только начало присаживаться к лесу. Мимо проезжала бричка, сговорились о двух рублях, поехали к дому.

Война

Попутный возница ехал смурной, молчал полдороги. А Пётр, будучи «навеселе», старался его разговорить.

– Да что ты такой хмурый? – не выдержав упорного молчания, сказал Петя.

– А с чего веселиться? Война ведь! – вдруг ответил зло возница.

– Ой, ладно, парень, чепуху молоть, какая война? Финская, год как прошла!

– С немцем! Молотов в полдень по радио выступал, я в Запрудне был, слушал... Бабы плачут, вой подняли. Мужики все в военкомат пошли.

– Давай, друг, гони! Может мне тоже надо, а мы тут отдыхаем, едрит её через коромысло!

Возница припустил лошадей. Домчались до Талдома. У дома мама Авдотья с повесткой в руках встречала их перед калиткой. От закатного солнца остался край и в последнем красном его пламени Пётр прочитал: «Явиться в Талдомский военкомат 23.06.1941 к 09.00 с личными вещами. При себе иметь паспорт и военную книжку».

Дома собрали Петру котомку, в неё положили умывальные принадлежности, две рубахи, брюки, смену белья, да ватник. Завернули в чистую тряпицу краюху хлеба, сало, несколько луковиц да пару головок чеснока. Аня всё пыталась положить образок и сунуть крестик в руку Петра.

– Что ты, Аннушка, нельзя, не положено! – отмахивался он. Жена смирилась, еле слышно нашёптывая молитвы.

Как и миллионы Советских людей, в ту ночь они не спали, представляя, как будет на войне, что будет после? Напротив в домах тоже горел свет. Всеобщая мобилизация собирала с Талдома первый невозвратный кредит в обмен на жизнь оставшихся в тылу граждан.

Под утро Пётр заглушил свет, в лучах зари пристально посмотрев на жену.

– Ты что, Петруша?

– Запомню тебя такой! Буду там ночью глаза закрывать, хочу, чтоб ты мне виделась!

От этих слов у Аннушки перехватило дыхание. Она жадно обвила его тело, отдаваясь той всепоглощающей силе любви, связывающей мужчину и женщину воедино.

Время бежало, неумолимо тикали ходики. Вечность рассыпалась на минуты, секунды.

Пора!

Собирали призывников на территории пожарной части. Пропускали за деревянный высокий забор, окружавший каменную каланчу, с вещами. Обратно не выпускали. Аннушка провожала Петра с маленьким Володей и Верочкой, которую несла на руках. Мама Авдотья за калитку не пошла. От расставания со своим любимым сыном у неё вдруг отнялись ноги. Так и стояла, оперевшись на свежеекрашенные доски, грустно смотря вслед своему чаду, вытирая краем платка горестные материнские слёзы.

Вовочка семенил за отцом, держась за ручку фанерного чемодана, по щенячьи поскуливая: «Пап, папа, па-а-а». До места сбора призывников пройти всего пятьдесят метров, но для Шевяковых это расстояние казалось дорогой длиною в жизнь.

У ворот Аннушка расплакалась, сын тоже стал хлюпать носом, Верочка тихонько захныкала. Пётр крепко обнял родных и не выпускал, пока старый усатый военный с кубарями сержанта не подогнал: «Ну всё, ёхн, давай, памашь, а то, ёхн, развели болото! Ни-ча-во не случиться, разбалындаем мы ентог немца за месец, только, ёхн, перья будут лять! Вернётся твой воин, не переживай!» Пётр взял чемодан и, легохонько подталкиваемый в спину сержантом, шагнул за ворота.

Двумя днями позже, двадцать шестого июня, за забором набралось человек сто. Вечером построили призывников повзводно для отправки и Шевяков услышал за воротами голос Аннушки: «Петя, прощай, храни тебя Бог! На, хоть детишков поцалуй!» И из-за забора по рукам земляков ему поочерёдно передали сначала Володеньку, потом Верочку. Он потрепал по кучерявым волосам сына, прижался к его тёплой щеке губами, потом расцеловал в глаза дочь, с трепетом вдохнув её детский, пропитанный Аннушкиным материнским молоком, запах. Затем отправил малышей через руки сослуживцев к матери. «Ну, вот и всё!»

Ворота открылись, будущие солдаты строем двинулись к станции, сквозь плач и вой родных. Пыль клубом висела над шоссе. Провожающие шли по обочинам, махали платками, распевали песни под гармонь, а некоторые, задыхаясь от пыли, кричали. И Анна тоже голосила. Но разве можно перебить строевую: «Разгромим, уничтожим врага!»

У здания вокзала милиционеры отгоняли наседавшую толпу желающих проститься ещё раз. Паровоз стоял под всеми парами. В теплушках расположились приехавшие ранее новобранцы из Дмитрова и района. Талдомчан рассадили в четыре пустых вагона и поезд тронулся. В проёме сдвинутой двери, у переезда, мелькнул белый платок Аннушки и сквозь протяжный гудок донеслось: «Пе-е-е-тя!»

Он вздрогнул – разорвался упавший с немецкого самолёта боеприпас. Пикировщики друг за другом заходили на позицию бригады. Они визжали, снижая высоту для сброса смертельного груза, пытаясь сломать не только физическую, но и душевную стойкость наших бойцов.

– Серёга! Живой? – стараясь перекричать бомбёжку, заорал Петя.

– Да жив вроде, только гимнастёрку посекло!

Что-то упало рядом с ними после очередного взрыва. Из-за пыли солдаты разглядели только край сапога. Пётр потянул было его к себя. Тот легко поддался и предстал перед ними вместе с частью ноги оторванной выше колена. Боец судорожно отбросил «находку» обратно. Серёга, напрягая связки, проорал: «Похоже, Мишаня Голов, пулемётчик!» – и шёпотом добавил: «Царствие небесное».

От увиденного у Петра «засосало под ложечкой» и чтобы отвлечься, он опять окунулся в недалёкое прошлое...

Ленинградские дни

Поезд ехал неспешно, кто-то из «пронырливых» узнал, что везут в Ленинград. В каждом вагоне назначили отделённого. На остановках только он имел право ходить за кипятком, распределять паёк в вагоне. По пути было всего четыре остановки. Но стояли долго, пропускающая эшелоны с техникой и отобюроизованными войсками. Кроме этого, ничего не напоминало о том, что пожар войны вовсю полыхает от Баренцева до Чёрного моря. Лишь некая растерянность в глазах железнодорожников на полустанках.

Всю дорогу до Ленинграда спорили, как быстро мы победим Гитлера. Пётр, вспоминая свою срочную службу не сомневался в этом. Он участвовал в учениях, видел лавину конницы, танки и бронемашин. Такой силищей, да, конечно, одолеем и скорей, скорей домой!

В вагоне полно сватов, кумовьёв, братьев, друзей и шапочных знакомых. Ещё на сборе все перездоровались и порешили, что вместе воевать сподручнее, и хорошо бы, если всех отправят служить в одну часть! Вон и отделённый у них Миша Нестеров из Гуслево, на срочной – младший командир, авось и в части им будет!

Молодые новобранцы уже сейчас рвались в бой и боялись, что без них война закончится. Мужики или спорили, или тихо тосковали по родным. Пётр запел «Бродягу», сослуживцы нестройно подтянули песню, только отделённый Нестеров неодобрительно бурчал себе под нос: «Нет, чтоб „Тачанку“ забачать, того и гляди, от тоски стошнит! А то ещё кто из командиров услышит и вздрючит за упадничество!»

Проехали новгородские леса, потянулись бараки ленинградских торфоразработок и рабочих посёлков. На Ладожском вокзале подогнали машины и повезли в казармы. Город притих, кое-где появились мешки с песком вокруг зенитных орудий, но прислуга около бродила отвлечённо, изредка возвращаясь к ним, слышав гул самолёта. Но это были наши «И-16», «ишачки». Запрокинув голову и махнув им вслед, прислуга опять разбрелась или рассаживалась на мешках.

По громкоговорителям на улицах передавали бравурные марши.

– Город большой! И дома барские, эна, смотри сколь этажей!

– Да и в Москве тах-то!

– Тах-то, да и не так! – спорили меж собой талдомчане.

Ехали через весь город, но все дивились количеству набережных и каналов, одетых в гранит.

– Во сколь воды! – восклицал Серёга Левин, весельчак и балагур, всю дорогу травивший анекдоты.

– А у нас, стало быть, Дубна, Сестра, Нерль, да Куйменка, – вторил ему Костя Лебедев.

– А Сталинский канал? А Волга? – спорил с ним Серёга.

– Да что Волга? Тут вон на каждом шагу речка! Да и море рядом, Балтийское! Вот скажи мне, ты на море был? Нет? А я был, в Севастополе городе! Это, брат, сила! Огромный порт, кораблей...! Нешто Гитлер такое одолеет? Ка-ык дадим со всех орудий, только и лететь до своего хаузе будет! – не унимался «повидавший мир» Лебедев.

– Да-да, в штаны наложит ещё, вонищи по всей земле, похлеще, чем у нас на свиноферме! – добавил весельчак Серёга, и всё отделение засмеялось. Нестеров прикрикнул на новобранцев, и все опять жадно стали смотреть на пролетающую мимо архитектуру города на Неве.

Машины повернули на Проспект Маркса и доехали до длинного пятиэтажного п-образного строения.

– Дом 65! – кто-то в голос прочитал табличку.

По краям у здания высились решётки, за ними виднелись одноэтажные казармы. Машины повернули в ворота.

– Кажись, приехали, земляки! – храбрясь, сказал Серёга

Остановились, последовала команда отделённого: «Выгружайсь!» Народ начал спрыгивать с машин, подавать друг другу чемоданы, вещмешки.

К отделениям подбежали военные с кубарями старшин и сержантов.

Новобранцев повели в казармы. Приказали оставить вещи и сразу построили всех в баню. Внутри в отдельном, обложенном белым кафелем помещении, гарнизонный цирюльник брил механической машинкой всех наголо. Очередь сначала стояла к нему, потом получали бельё, вехотку и мыло. Перед душевой санинструктор протирал оставшуюся нательную волосатость какой-то жутко пахнущей и щипающейся тряпкой, отчего все торопились быстрее убежать от него и смыть всё водой, чтобы унять нестерпимый зуд.

– Эх, с дороги косточки помыть, да милую забыть! – шутил Серёга.

– На фронт пойдёшь, там не только милую забудешь, а и мать родную как зовут! – отвечал Костя.

– Да нет, мать-то вспомнишь, как немца погонишь, а как жиж! Вот по матери ему вдогонку и будешь кричать, – решил тоже пошутить Пётр. Остриженные новобранцы расхохотались.

Странно смотреть на людей без волос, совершенно другие лица, только души и человеческое тепло остались те же. Телами все были поджары, а кое-кто и мускулист от натуженной сельской работы. Мылись и парились, с удовольствием фыркая, как молодые жеребцы и подкидывая, на белые от жара камни, воду из тазиков. Натирали друг друга намыленными вехотками до покраснения кожи.

– Эх, была у нас рядом с домом в деревне баня, топили по-чёрному, дык мы с женой любили париться, и ребятишков возмём. А им-то как весело! – продолжал рассказ кто-то из новобранцев. Напарим их, закутаем и в дом отнесём, они, не доходя до сеней, засыпали. Ну, а мы с женой после в парную!

– Небось, всё там, у супружницы, выпаривал? – съязвил Серёга

– Не без ентого, конечно. Но вот что там было, а здесь нет? Ну, скажи мне, охальник, мать-растак!

Серёга задумчиво почесал лысую голову, а Пётр с Костей, смекнули и, улыбаясь, подначивали друга, дескать, давай-давай.

– Бабы? – обрадовался своему остроумию Серёга.

– У жеребца одно на уме! – засмеялся Пётр.

– Да всё то же, только тут город, а там деревня! – попробовал ещё раз угадать Левин.

– Эх, ты, выдавший мужик, а простого – не замечаешь! Веников нет! А без них это не баня, а душ! Нету здесь запаха, ни берёзы, ни дуба, ни даже никудышной липы!

– Ишь какой, ему сюда и веник, и бабу егоную подавай, а здесь, брат, этого не положено, тут Красная Армия! – вступился за друга Костя.

С удовольствием вытирались полотенцами, потом встали в очередь к старшине, который оглядывал размер бойцов и выдавал форму и обмотки с ботинками.

На плацу вновь прибывших было не узнать. Из разношёрстной толпы вдруг появилось какое-никакое, но всё же войско. Служившие здесь несколько дней ленинградцы с любопытством разглядывали новеньких.

Раздалась команда: «Бригада, ровняюсь! Смирно! Равнение на середину!» и майор, видимо, штабист, строевым шагом пошёл делать доклад:

– Товарищ полковник, – зычно раздавалось на плацу, – личный состав Первой отдельной горно-стрелковой бригады построен! Докладывает заместитель начальника штаба майор Цыганков!

Холёный, высокий полковник с большим, чуть вытянутым лицом, поднёс руку к фуражке и поставленным голосом поприветствовал бойцов:

– Здравствуйте, товарищи красноармейцы!

Новобранцы недружно, кое-где и невпопад ответили:

– Здравия желаем триц полковник!

Офицер, воевавший ещё в Первую Мировую, Гражданскую, помотавшийся по разным частям и должностям, через свой огромный опыт понял, что имеет дело с резервистами, уже как лет пятнадцать-двадцать не помнящих, что такое строевой устав и оружие. Он скомандовал:

– Вольно! – затем, откашлявшись в руку, продолжил, – меня зовут Грибов Иван Владимирович. Я полковник, командир воинской части, куда вы прибыли. По вашим хилым головам понимаю, первое, что вас ещё не кормили и второе, что строевой устав вы забыли, как та бабка, что девкой была, а посему, приказываю, накормить вновь прибывший личный состав и командирам рот провести вечером строевые занятия. Старшинам и сержантам закрепить за бойцами оружие, личные вещи собрать и отправить нарочным на почту, чтобы послать по месту жительства.

Затянув в лёгкие воздух, он повысил голос:

– Всем необходимым теперь вас обеспечит Красная Армия для того, чтобы вы смело и решительно а, главное, умело, били ненавистного нами врага, эту подлую фашистскую сволочь, которая топчет нашу землю, мучает и убивает граждан! Вам оказана высокая честь и ответственность, изгнать врага с родной земли и бить его на германской территории.

Его голос достиг максимального пика:

– И как сказал нарком Молотов: «Враг будет разбит, победа будет за нами!» Ура, товарищи!

Тут уже строевой устав не потребовался, в едином порыве бойцы закричали дружно: «Ура-а-а!»

Ночью в казарме не спалось, как-то так всё быстро навалилось на Петра, на его семью, на всю страну. Ещё только-только наливались хлеба, и тут – война. Сложно было поверить, что это не сон. Успокаивало его только то, что мы обязательно погоним фашистов! Да с такими парнями! Вон, хотя б Серёгу взять или Лебедева. Да этот немца как муху на столе размажет! И домой, домой! Ах, Нюра-Нюрочка, где ты? Мамаша, детишки. Так бы и обнял всех, да далеко!

Побудка прошла в шесть утра, для деревенского мужика поздновато. Хоть и отвык он от петухов. Если и вставал по ним, то только у брата в Кривце, по хозяйству помочь, коня напоить иль на реке угрей половить.

Сначала взвод умывался, потом Нестеров выстроил бойцов на плацу. Поскольку все из его отделения проходили срочную службу, присягу им не зачитывали, а приступили к выдаче оружия.

Трёхлинейка? Петру привычней был карабин, как на срочной службе. На лошади сподручней с ним. Шашка слева, карабин за спиной – боец лихой! Впрочем, неважно из чего

по немцу стрелять. Записали за красноармейцами номера, винтовки поставили в оружейную комнату, отвели на завтрак. Пока шли, спорили.

– Непросто это в человека стрелять, – говорил Серёга

– Дык, а ежели он в тебя метит, что делать буш? – парировал Костя

– Да, ребята, сам Бог велел на крючок нажать, да половчее, – согласительно отвечал Петя.

После завтрака Нестеров повёл их к спортгородку, где чуть в отдалении, привязанные к палкам, стояли чучела. Кто-то из умельцев на тряпичных головах успел нарисовать маленькие фюрерские усики.

– Во, сейчас начнём Гитлера щекотать! – засмеялся Серёга

– Разговорчики в строю, Левин, – застрожил Нестеров.

Вчера после отбоя командиров отделений и рот вызывали в штаб бригады, где проводили с ними политбеседу о текущей обстановке на фронтах. И Нестеров, теперь уже знавший всю аховую ситуацию, посуровел со своими подчинёнными.

– У тебя враг во дому, а ты всё ржёшь, как конь!

– Товарищ командир, я ж вижу Гитлеру тут нарисовали, и так его пощекотать захотелось, да чтоб он лопнул, ядрёныть!

– Молчать! Смирно! – заорал Нестеров, увидев, что за спинами бойцов подразделения прохаживается командир бригады, побежал к нему докладывать.

– Товарищ полковник, первое отделение второго взвода четвёртой роты третьего стрелкового батальона проводит занятие по штыковому бою. Докладывает младший командир Нестеров.

– Молодец, молодец, Нестеров! Сразу чувствуется выправка! Здравствуйте, товарищи бойцы, – лихо, почти пропел, полковник.

– Здра-жела-триц-полковник! – не ожидая от себя, как на параде ответило отделение. Громче всех старался Серёга.

– Ну и что у вас за спор, вот с этим горластым? – поинтересовался Грибов.

– Да болтает в строю!

– Ну-ка боец, выйдите!

Серёга сделал два шага вперёд.

– Товарищ полковник, красноармеец Левин! – стараясь, отчеканил Серёга.

– Вот, Левин, понимаешь, какая штука дисциплина. Она важна не только в бою, но и на учениях! Ты тут смеёшься над усами чучела. А между тем, немец враг серьёзный, опасный. И чтобы победить его, надо прежде слушать своего воинского начальника! К примеру, он отдаёт тебе команду: «Огонь!» А ты в этот момент времени ржёшь как сивый мерин. И что мы имеем? А мы имеем ослабленную огневую мощь отделения. В результате оно несёт потери. Да-да, вот из-за того, что ты не стрелял по врагу, твоего же товарища справа (он указал на Петра) ранило вражеской пулей! Понятно, Левин?

– Так точно, товарищ полковник! – понятливо чеканил Сергей.

– Ну, ладно, встаньте в строй!

– Есть!

Серёга шагнул в свой ряд, а Грибов продолжил.

– Оно, конечно, напалили тут с усами, но не для нарушения дисциплины, а чтоб не страшно тебе было в бою, когда ты вот эту сволочь штыком колоть будешь!

– Ну-ка, отделённый, дай винтовку!

Нестеров отдал полковнику своё оружие с примкнутым штыком. Тот взялся левой рукой за цевьё, правой перехватил его под прикладом и встал перед чучелом за шаг.

– Командуй, Нестеров! – обратился он к отделённому

– Коли!

Полковник сделал быстрый выпад, выставив ногу вперёд и с силой воткнул штык в мешковатое, соломенное тело чучела.

– Руби! – опять скомандовал Нестеров.

Со вторым шагом полковник переместил правую руку и боковиной приклада врезал по голове чучела так, что его матерчатое усатое лицо повернулось вокруг своей оси.

– Вот так вот, ребятушки, надо бить врага. Дисциплинированно и с холодной головой!

Он отдал винтовку, отделение разделилось на три группы возле чучел и начало отрабатывать удары.

Рубили и кололи, пока не взмокли гимнастёрки. Июньское солнце приближалось к полуденному положению.

– Отделение, закончить занятие! Становись! На-ле-во! В казарму ша-гом ма-а-арш!

Пётр нарубался так, что разговаривать даже был не в силах. Обедали молча, жадно поглощая суп и кашу. Потом разрешили небольшой перекур. После комиссар роты провёл «среди масс» политинформацию. Он цитировал речи Молотова и Сталина, поднимая боевой дух солдат. Однако, положение на фронте рисовал общими фразами. Дескать, красноармейцы отважно сдерживают превосходящего противника и, переходя в контратаки, уничтожают военную силу и технику врага, буквально дивизиями. Бесстрашные Сталинские соколы истребили большое количество самолётов – фашистских стервятников. Лихие конноармейцы бороздят траншеи пехоты противника и обрушивает на их головы всю мощь красных будённовских клинков.

Вездесущий полковник, сидя на заднем ряду, с каждым воодушевлённым сообщением хмурился всё больше. Он знал всё без преувеличения, понимал, какую сложную задачу предстоит решить. Бригада, которую ему приказали возглавить, была не доукомплектована, личный состав – в основном люди в возрасте, давно не державшие в руках оружия, или знавшие только устаревшие образцы. Недокомплект вооружения составлял практически пятьдесят процентов! То есть, каждый второй боец бригады должен сражаться голыми руками или добывать оружие на поле боя. Станковых и простых пулемётов – кот наплакал. Он даже подумывал, в целях экономии, не проводить одни контрольные стрельбы.

Единственное, что его радовало, наличие в бригаде роты спортсменов-альпинистов. Хотя эти подготовлены, в случае чего их можно использовать в разведке или как боевой кулак.

Всего несколько дней талдомчане находились в Ленинграде. Третьего июля полковнику Грибову пришёл приказ погрузить бригаду в эшелон и отправить... нет, не на Карельский перешеек, куда, собственно, и задумывалось перебросить Горно-Стрелковую бригаду, а на Новгородское направление.

Четвёртого июля военная часть была поднята по тревоге, выстроена на плацу, распределена по машинам и отправлена на станцию для погрузки в эшелон. Петя выпросил у отделённого лист бумаги. Пока ехали, он писал отрывисто и быстро. «Нюрочка, как ты, как мамаша, как Вовочка и Вера? У меня всё хорошо, здесь много наших! Еду на фронт уничтожать врага! Не скучайте, пишите чаще. Ваш сын, муж и отец – Пётр». На конверте он указал номер полевой почты 610 и Талдомский адрес – Московское шоссе д.42. На адресе рука его непроизвольно дёрнулась, он вспомнил, как ещё вчера заполнял «смертельный медальон» – записочку со своими данными. И, перед тем как положить её в цилиндрическую эбонитовую капсулу, с обратной, абсолютно пустой стороны записки, крупными буквами вывел так же: «Талдом, МОСКОВСКОЕ Ш., Д. 42».

Как приехали на станцию, все, кто писал домой, передали треугольники отделённому Нестерову. Тот по команде письма положил в брезентовую сумку старшине, который бросил их в почтовый ящик. И полетела весточка от Петра на Родину. Получила её Аннушка, когда бригада вела бои под Сольцами.

Ехали по той же железной дороге с Витебского вокзала. Мимо проплывали знакомые пейзажи. Останавливались часто, враг бомбил пути и для их восстановления необходимо было время. С любопытством красноармейцы выглядывали в проём теплушек, когда проезжали место бомбёжки. Недалёко от путей зияли воронки, края их обуглены, иногда и из центра курился дымок. Металл в зоне поражения перекорёжило.

Бойцы зябко передёргивали плечами, пытаясь представить, с какой силой им придётся столкнуться на фронте? Но больше всего удручал вид разрушенных пристанционных домов. Ведь наверняка были и жертвы: женщины, старики, дети.

И тут вспоминались слова полковника, что враг серьёзен, что одолеть его можно только слаженно, дисциплинированно, с холодной головой. Даже балагур Серёга Левин, всю дорогу молчал, наливаясь яростью.

Случайное знакомство

Недалёко от новгородской Песи, на полустанке «Хвойная», эшелон бригады остановился напротив состава с войсками, уходящего на Ленинград. Нестеров, занятый хозяйственными списками, отправил Петра за водой на всё отделение к ближайшему колодцу. Он спрыгнул из вагона. Одновременно из Московского эшелона соскочил невысокий боец. Обмундирование новенькое, не то, что у них! Щегольская гимнастёрка, пилотка, а не будёновка, блестящий ремешок перетягивал пояс, а на ногах – сапоги, а не обмотки с ботинками.

– Привет, земляк!

– Привет!

– Тоже за водой?

– Угу.

Щеголеватый невысокий боец при разговоре активно жестикулировал. Хитровато прищурив глаза, с показным великодушием произнёс:

– А что вам старшина зажил ли форму?

– Да нет, такую всем выдали.

– М-м-м, не повезло вам! Кстати, Иван Левин – представился он, хлопнув Петра по плечу.

Потом боец переложил котелок в другую руку и протянул ему правую для рукопожатия.

– Петя Шевяков. С каких краёв будешь? – назвал солдат, пожимая руку.

– Я-то? Из столицы, а ты откуда?

– Из Талдома, это дальше Москвы на север, за Дмитровом, знаешь?

– А-а-а, – неопределённо протянул Иван.

– Слушай, у нас в теплушке есть тоже Левин. Серёга. Может родня?

– Нет, в Талдоме точно нет. Хотя-я-я, – хитровато потянул он, – кто его знает. После войны может и будет. У тебя дети есть?

– Конечно, сын и дочка. Мальчику два, а девочке год почти, – отвечал Пётр.

– А как назвал?

– Парня-то Володей, в честь Ленина, – гордо повествовал Шевяков, – а дочку Верочкой нарекли.

– О, видишь! И у меня двое. Старшему около четырёх. Владимир, как и у тебя, в честь Ленина имя дали. А младший, Санька-пострел, тому полтора годика!

Состав, вдоль которого они шли, закончился, показалось низенькое деревянное станционное здание.

– Вот я и говорю, – продолжал Иван, размахивая смешно руками как птица, – немцев сейчас прогоним, дети наши подрастут и оженят, хотя бы моего Вовку и твою Веру! И будет у нас родня в Талдоме, а у вас в Москве.

– Хорошо, коль так, да как скажет моя Нюряня: «Не хвалясь, а Богу помолясь!»

– Тише ты, Петь! Она у тебя верующая что ль?

Понимая, что сказал лишнее первому встречному, Пётр осёкся. Но, подойдя вплотную к Ивану, явно вызвавшему у него симпатию, как бы оправдываясь, продолжил:

– Да. Уж борюсь-борюсь с ней, знаешь, после смерти нашей первой дочери Катеньки, только на него она и надеялась. Я т, канешн, не очень в это верю... маманя, да она. И крестик мне в дорогу давали, но я не взял, стыдно как-то, да и нельзя!

– Что нельзя, это верно, а что отказался, дурак! У нас многие при себе носят, авось с ним жив будешь! – и тут же Иван весело продолжил, – живы будем – не помрём! Ха, но по секрету, у меня тоже имеется! Лена, жена, из-под образов в сундуке вынула, отдала, так я его внутри гимнастёрки где ворот и зашил!

– Эна, колодец-то, а народищу! – увидев толпившихся бойцов, прервал Ивана Пётр.

Жаждающие воды красноармейцы продвигались к колодцу медленно. Солдаты курили, разговаривали в этой очереди друг с другом. И если б не военная форма, если б не военная форма... Соседи общаются о делах, о жизни, и, конечно, о женщинах – простых русских бабах, оставшихся сейчас там, за чертой под названием «тыл». Они красивые и нет, верные, а, может быть, взбалмошные, но любимые мужицкими сердцами, тоскующими и оторванными от дома.

Пока достояли и набрали кипятка, прошло полчаса. Пошли в обратный путь.

– Ну, так как, породнимся после войны? – хлопая по плечу Петра, спросил Иван.

– Обязательно! – отвечал по-простецки Пётр.

Выйдя за последней теплушкой состава, они услышали протяжный гудок паровоза, который тянул поезд Ивана. «По вагонам!» – команда эхом раскатилась в новгородских соснах. Левин прибавил шаг.

– Слушай, Петь, запомни мой московский адрес. Пиши туда, Лене, а она мне переправит. После войны встретимся! Москва, Проектируемый проезд барак 8, Левиным, запомнил?

– Да!

– Тогда давай, свидимся ещё!

– Петь, давай залазь, – протягивал ему руку весёлый курчавый красноармеец, Лёвка Рубинштейн, высунувшийся из теплушки.

– погоди, Лёва, дай с товарищем проститься, – отвечал ему Пётр.

Иван обнял Петра и побежал к своей теплушке, опять замахав руками, как птица, расплёскивая воду из котелка. Его затянули на ходу поезда в вагон. Проезжая мимо случайного друга, он прокричал:

– Бывай, Петя-я-я!

...Петя-я-я-я, – неслось эхо над Хвойным.

Последний вагон умчался, стала видна противоположная сторона полустанка, с редкими домиками возле сосен.

Военная судьба

Успешный контрудар

Великий Новгород встретил Первую Горно-стрелковую бригаду настороженной тишиной. Казалось, люди, испугавшись надвигающегося врага, заперлись по домам. Лишь величие Новгородского Кремля, сверкавшего золотыми куполами, вселяло в бойцов холодную уверенность в победе над врагом.

Машины для доставки личного состава на место дислокации у бригады отсутствовали, поэтому сорокакилометровый марш до Теребутиц предстояло пройти пешком. Батальоны вышли из Новгорода в сторону Шимска и запылила дорога, под ботинками солдат. Навстречу, то одиноко, то муравьиным потоком, пешком, на повозках, иногда и на полуторках, двигались беженцы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.